

День красных маков

Автор:

Аманда Проуз

День красных маков

Аманда Проуз

Мартин покидает Англию, чтобы заработать на безмятежную жизнь со своей обожаемой Поппи Дэй, но пропадает без вести. Крошка Поппи до последнего надеется на лучшее, но однажды до нее доходит жуткий слух – Мартина похитили и его жизнь в любой миг может оборваться. Тогда она решается на безумный, отчаянный поступок. Облачившись в восточное одеяние, Поппи отправляется в далекий, загадочный Афганистан, выдав себя за известную журналистку. В одночасье повзрослевшая Поппи оказывается без какой-либо защиты в самом сердце недружелюбной страны, среди гор и кишлаков, в компании отчаянного журналиста Майлза Варрассо и одного из местных головорезов. Теперь ей остается лишь уповать на благосклонность судьбы, чтобы не только найти Мартина, но и вернуться домой живой.

Аманда Проуз

День красных маков

Благодарственное слово

Мысленно посылаю объятия всем, кто внёс свой вклад в написание этой книги, всем, благодаря кому роман появился на свет:

Прекрасной (телом и душой) Кэролайн Мишель, а также замечательной компании PFD, перед которой я всегда буду в долгу.

Отделу Розовых Стульев в издательстве «Head of Zeus», особенно мистеру Чиитаму, Лауре, Матильде и Бесси – эти ребята знают, как из хорошей книги сделать гениальную!

Эми (www.cabinlondon.co.uk) – за выдающийся ум.

Огромное спасибо Йену Дейлу и Гранту Такеру за ценные советы, помощь и поддержку.

Восхитительным Рианнон Фокс и Элисон Уильямс, управляющим фан-клубом @PoppyDayFans.

Полу Смитту (www.paulsmithphotography.info), по вине которого меня встречают разочарованные взгляды – ведь на его фотографиях я куда красивее, чем в жизни!

Моим мальчикам: папе, Саймону (любви всей моей жизни), Паулю, Симону, Ники, Люку, Джошу, Бену и Ною.

Моим девочкам: маме, Нэн, Джози, Эли, Эби, Стиви и Амели.

Моей самой лучшей в мире подруге – Кэрол. Она делает для меня так много и знает об этом... а ещё она умница, но не в состоянии заварить приличный чай – если мне не верите, спросите у Луи!

И, наконец, Генриетте – самой настоящей фее-крёстной, о которой можно только мечтать. Генриетта, этого простого слова недостаточно, чтобы выразить всю мою благодарность – спасибо.

Майор резко дёрнул одну манжету, затем другую, удостоверился, что они видны из-под рукава на десять миллиметров. Большим и указательным пальцем провёл по губам, откашлялся. Кивком указал сопровождающему сержанту на дверь. Он был готов.

– Иду! – крикнула Поппи в коридор, в очередной раз отметив про себя, что надо бы починить дверной звонок – под расхлябанным железным покрытием давно повредился механизм. Резкий, раздражающий звук уже вписался в ритм квартиры. Поппи окружала мебель, подверженная всевозможным хворям. Несомненными звёздами этого оркестра были скрипучая дверь в спальню, капающий кухонный кран и жужжащий вентилятор, который к тому же совсем не вентилировал.

Поппи улыбнулась, заправила волосы за уши. Это, наверное, Дженна, которая любила забегать к ней на обед. Их проверенная годами дружба позволяла многое – не нужно было спешно мыть посуду, прятать приготовленное в стирку бельё, даже переодеваться. Никаких секретов друг от друга. Поппи нарезала хлеб, посчитала рыбные палочки на гриле и разделила на два сэндвича – простая арифметика. Она ощутила прилив радости.

Дверной звонок снова задребезжал.

– Сейчас! Сейчас! – слизнув кетчуп с больших пальцев, Поппи рассмеялась над нетерпеливостью того, кто снова надавил на пластиковый кружок.

Бросив на стол издававшее виды полотенце, она через прихожую направилась к входной двери со стеклянной вставкой, непрозрачной, хотя это не вписывалось в интерьер и смотрелось неуютно. Поппи шла всё медленнее, вот-вот готовая остановиться, и напряжённо вглядывалась в фигуры за дверью так, словно её неотрывный взгляд был в силах изменить это зрелище. Сердце неровно забилось. Прижав к груди дрожащую ладонь, она старалась успокоить учащённый пульс. Чувство радости исчезло – теперь в животе застыл ледяной ком, наполняющий всё тело холодным ужасом. Поппи не видела силуэта подруги с неизменным конским хвостом на голове. За дверью были две фигуры. Двое мужчин. Двое военных.

Поппи не знала, вернуться ли ей в кухню и выключить гриль или всё же добраться до двери и впустить их. Не решившись ни на то, ни на другое, Поппи

застыла посреди прихожей, чувствуя, как водоворот мыслей кружит в сознании, угрожая затянуть. От этого кружения можно было упасть в обморок. Поппи помотала головой, чтобы мысли пришли в порядок. Сработало.

Интересно, сколько они пробудут здесь, сколько времени всё это займёт? Нужно было съесть рыбные палочки и через полчаса, прихватив шампунь, мчаться обратно в салон; через сорок минут – уже приступить к работе. Ей подумалось – как странно, что самый обычный день может внезапно стать совершенно непредсказуемым. Она знала, что запомнит его до мельчайших подробностей, которые обычно забывались на следующее утро; каждая минута навсегда въестся в её память. Запомнит, как согнулись и заоченели большие пальцы ног в мягких красных носках, как трещал и шипел обед на гриле, как шум телевизора внезапно стал слишком громким.

Разглядывая неясные очертания ещё незнакомых мужчин, Поппи почему-то думала о том, что дома не прибрано. Лучше бы она сегодня не готовила рыбу. Потом Поппи не раз удивлялась, почему в такую минуту волновалась о каких-то мелочах, ведь причина визита была куда серьёзнее ароматов кухни и неровно лежавших подушек.

По телевизору шёл «Коломбо». Поппи не смотрела – ей просто нужен был звуковой фон. С тех пор, как ушёл Мартин, она первым делом, возвращаясь домой, включала телевизор или радио. Всё лучше, чем сидеть в тишине. Этого Поппи терпеть не могла.

Снова вглядевшись в темноту, она удостоверилась, что за дверью именно две фигуры, и нехорошее предчувствие того, что было и так ясно, стало ещё сильнее. Правила известны – когда новости хорошие, присылают письмо; звонят, чтобы сообщить о незначительном происшествии. Если приходит человек в форме – случилось страшное. Если двое – самое страшное.

Поппи рассмотрела силуэты по ту сторону двери. Один – простой солдат, ясно по головному убору; второй чином повыше, офицер. Их фигуры были Поппи незнакомы. Она понимала, что они ей скажут, раньше, чем они вошли, раньше, чем произнесли хоть слово; их позы были неловкими, напряжёнными.

Взгляд Поппи упал на картонную коробку под кроватью. Там лежало нижнее бельё – откровенное, кружевное, выбранное для неё Мартином. Теперь Поппи

всё это выбросит, оно ей больше не нужно – больше не будет годовщин, дней рождения, волшебных воскресных дней, когда весь мир сводился к прямоугольнику матраса, уголку подушки и запаху любимого мужчины.

Поппи не знала, сколько времени простояла у закрытой двери, но у неё возникло странное чувство, будто бы с каждым шагом дверь чуть заметно уплывает прочь.

Твёрдой рукой она потянула за цепочку – причин трястись от ужаса не было. Пока. Широко распахнутая дверь стукнулась о стену. Потускневшая ручка легко вошла в привычный выступ в штукатурке. Обычно Поппи лишь чуть-чуть приоткрывала дверь, чтобы, выглянув, посмотреть, кто пришёл, но сегодня всё было не так, как обычно, – да и какая опасность могла ей угрожать, если в дверном проёме стояли двое военных? Поппи пристально посмотрела на них. Бледные, издёрганные. Перевела взгляд в сторону, на лестницу, ведущую к четвёртому этажу и ещё выше, к небу; осознала, что проживает последние несколько секунд прежней, целостной жизни. Поппи хотелось наслаждаться ими, потому что она понимала – как только мужчины заговорят, её мир рухнет. Долго не могла оторвать глаз от бездонной синевы, лишь чуть-чуть тронутый лёгкими мазками облаков. Это было прекрасно, просто прекрасно.

Мужчины оценивающе смотрели на Поппи, пока она глядела куда-то поверх их голов. В первые несколько секунд они составили мнение о ней. Один отметил сморщенный нос в веснушках, прямой, открытый взгляд. Другой – серую мебель за её спиной и обтрёпанный рукав рубашки.

Практика подготовила их ко всему – от обморока и истерики до мучительной, молчаливой скорби; они могли оказать помощь в любом случае. Этот вариант был самым тяжёлым – отчуждённое молчание и заторможенная реакция, которая могла оказаться какой угодно.

Поппи вспоминала их последнюю с мужем ночь перед тем, как он отправился в Афганистан, и хотела только одного – чтобы можно было вернуть её и всё исправить. Она наблюдала за его отточенными движениями, смотрела, как он укладывает завёрнутый в пластик бойскаутский инвентарь грязного цвета, назначенный к отправке в новый дом, в песчаную пустыню. В то место, которое она не могла себе представить, в ту жизнь, от которой была ограждена. Она даже не заметила, как кончики его пальцев погладили вышитые на наволочке розы, в последний раз прикоснувшись к женственной красоте, означавшей для

него дом, означавшей Поппи.

Собирая рюкзак, который лежал открытым на их кровати, Мартин вдруг стал насвистывать себе под нос. Мотив Поппи не узнала. Она смотрела в улыбающееся лицо, а Мартин упаковывал одежду и принадлежности для мытья в бездонную пещеру цвета хаки. На миг он остановился, чтобы откинуть с глаз уже несуществующую чёлку. Как человек, лишившись пальца, ещё чувствует холод в нём и растирает руки, пытаясь его согреть, так и Мартин всё поправлял волосы, которые теперь были острижены.

Поппи не поняла, что означает его улыбка, но её было достаточно, чтобы слова, которые так и вертелись на языке, бурным потоком вырвались на свободу. Сторонний наблюдатель мог бы подумать, что Мартин собирается на вечеринку в весёлой компании, а не на войну.

– Ну что, счастлив, Март? Впрочем, можешь не отвечать, это глупый вопрос – конечно, ты счастлив, ты ведь этого и хотел, да? Бросить меня, своих друзей и всё остальное на целых полгода, чтобы поиграть в войнушку?

Поппи не знала, каких слов ждёт от него в ответ, но он должен был что-то ответить. Должен был прижать её к себе, сказать, что он вовсе этого не хочет, не хочет покидать её или, по крайней мере, что был бы рад взять её с собой. Что-нибудь, что успокоило бы её, хоть немного облегчило бы её страдания; но он ничего не сказал и ничего не сделал.

– Ты меня слышишь, Март? Я спрашиваю – рад ты наконец, что сбылись твои планы, наступило то прекрасное светлое будущее, о котором ты всю жизнь мечтал?

– Поппи, прошу тебя...

– Никаких «Поппи, прошу тебя»! Не проси меня ни о чём, не жди, что я тебя пойму – потому что я не понимаю! Вот на что ты подписался, Март, вот что это значит – ты свалишь в свою богом забытую пустыню, а я останусь торчать тут, вот что я пытаюсь тебе объяснить с того самого дня, как ты появился сюда в этом паршивом костюме, выполнив свою миссию!

– Но ведь это не навсегда... – Голос Мартина был тихим, глаза неотрывно смотрели в пол. Вид у него был озадаченный, словно он только что понял, как нужен Поппи. Это разозлило её ещё больше – она-то ни о чём другом не думала, а он задумался лишь теперь.

– Мне наплевать, навсегда или нет. Разве ты сам не видишь? Какая разница, на год ты уходишь или на одну ночь – всё равно это слишком долго. Ты бросаешь меня здесь, где холодные тоскливые зимние вечера и где на лестнице шатаются наркоманы. Что мне тут делать? Скучать по временам, когда я веселилась в компании чокнутой бабули? Но ты не волнуйся обо мне, Март, ступай вперёд за приключениями, докажи себе то, что хотел доказать. Я как-нибудь без тебя справлюсь, ты понял?

Ей хотелось не спорить с ним, а обвив руками его шею, повиснуть на ней. Хотелось посильнее прижаться губами к его губам и целовать, целовать на будущее, когда тоска по нему станет невыносимой. От боли было так плохо, что даже трясло; этой дрожью питался растущий гнев. Когда Мартин ушёл, Поппи даже стало немного легче, потому что исчез страх его неминуемого ухода. Теперь он сменился данностью отсутствия, с которой было как-то проще смириться. Снова и снова Поппи проигрывала в голове их ссору, прокручивала все слова, обдумывала все поступки... осознавая, что лишь она одна страдает от этих назойливых воспоминаний. Мартин называл её раздумья гнетущими, но ей они помогали понять, что случилось и почему, помогали найти ответ или, во всяком случае, разумное объяснение. Иногда, конечно, и объяснения не было – ведь скандалы часто возникают просто от усталости, от раздражения или по какому-нибудь ещё незначительному поводу. Но для этой ссоры не было ясных причин. Ведь дело было не в том, что он не пропылесосил как следует ковёр, не опустил сиденье унитаза, не убрал молоко в холодильник. Случилось что-то гораздо серьезнее. Оба были так напуганы, что боялись даже признаться себе в этом страхе. Вряд ли они смогли бы объяснить по порядку всё, что их пугало. Конечно, они боялись разлучаться так надолго, боялись оторванности друг от друга и одиночества; эти страхи лидировали поочередно. Но был и ещё один, о котором молчали – страх, что Мартина могут ранить или убить. Эта мысль была слишком ужасной, чтобы говорить о ней вслух, но они прокручивали её в голове снова и снова, скрывая свою тревогу друг от друга, отводя и пряча в подушку глаза. Поппи хотела сказать ему, что, если его ранят, если он ослепнет, потеряет руку или ногу, она примет его любым. Конечно, будет нелегко, но Поппи не станет любить его меньше, а значит – они справятся, они с чем угодно справятся. Во всяком случае, она верила. Была и такая мысль – за бокалом вина рассказать Мартину, что только благодаря ему её жизнь чего-то стоит. Он –

единственный, на кого всегда можно положиться, и Поппи не жалеет ни об одной минуте, проведённой рядом с ним. Она хотела сказать, что за их короткое счастье отдала бы пятьдесят лет жизни. Конечно, он и так знал, что она будет скучать о нём каждый день, каждую секунду и никогда не позволит другому мужчине прикоснуться к ней. Был только Мартин, навсегда, и мысли о других были Поппи противны. Она состарится одна, окружённая лишь воспоминаниями; хуже всего будет, конечно, что их дети никогда не появятся на свет.

После нескольких дней раздумий Поппи охватило мучительное чувство вины. Как она могла с ним ссориться, вместо того чтобы согревать и дарить уют, зная, что он отправится воевать так далеко, в чужой мир, где нет ни тепла, ни любви, ни ласки? Когда по прошествии времени эти чувства притупились, осталась ноющая боль одиночества. Полгода, сто восемьдесят дней – не важно, как часто Поппи вспоминала прошлые шесть месяцев, пролетевшие очень быстро; предстоявшие виделись вечным приговором.

Офицер кашлянул в кулак, вернув её в настоящее. Она ждала, что он заговорит первым, не хотела его торопить; спешить было некуда. Честно говоря, не хотелось облегчать ему задачу – пусть он, пытаясь подобрать слова, испытает хоть немного той боли, которую начинала чувствовать Поппи. Стоя очень прямо, она представляла себе, что случится дальше, и ещё не сказанные слова звучали в её голове. Какую отрепетированную фразу он выберет? «Мартин погиб»? «Мартин был ранен и погиб»? «Случилось страшное, Поппи, Мартин погиб»? «Миссис Термит, у нас печальные новости. Вы одна дома?» Поппи часто представляла себе, каким будет этот разговор. Попробуйте найти жену, мужа, отца или мать, не разыгрывавших в своём воображении страшный сценарий. Не найдёте. Такова их жизнь. Каждый раз, когда им не отвечают или нарушают обещание позвонить, учащается пульс, и мысленно они уже едут на помощь. Напряжённые, как куски металла, мускулы готовы к любому действию, а волны печали уже плещутся у ног. Неожиданный стук в дверь, телефонный звонок после девяти – и намокают ладони, замирает дыхание, пока не сможет вырваться в глубоком выдохе. Продавцы ошибаются, полагая, что удовольствие доставляет звук сигнала, а не облегчение, которое он приносит людям, которые смотрят на часы и считают дни. Те, кто любит солдата, счастливы сознавать, что сегодня не его черёд.

Поппи часто представляла, как отреагирует на эти слова. Она воображала себя рухнувшей на колени, запустившей руки в волосы... «Нет, нет, только не Март! Пожалуйста, скажите мне, что это неправда!» Однажды разыграв эту сцену

перед зеркалом в салоне, она сочла её очень убедительной. Конечно, было странно это репетировать, но Поппи беспокоилась, что, если до такого дойдёт, они не увидят, в каком она отчаянии, и решила, что лучше уж подготовиться заранее. Однако эта подготовка ей не понадобилась.

Офицеру было чуть за сорок, он был на пару лет моложе своего компаньона, но чин давал преимущество. Обнажив голову, он шагнул вперёд.

– Миссис Термит?

Его тон был уверенным, без малейшей нервозности. Поппи заметила крошечные капельки пота на его верхней губе; может быть, голосу он смог придать спокойствия, но должен был взять себя в руки и не покрываться испариной, если хотел быть убедительным. Поппи кивнула.

– Можно войти? – спросил офицер, уже заходя в прихожую и тем самым превращая вопрос в утверждение. – Я – майор Энтони Хелм, а это – сержант Гисби. – Он указал на солдата за его спиной. Поппи шагнула в сторону, нетвёрдыми пальцами коснулась его ладони – она не привыкла к рукопожатиям, ей было неловко. На правах главного, майор наполнил её дом своим присутствием, это смущало и немного злило. Офицер взял её за локоть, и прикосновения незнакомца ей тоже не понравились; она сконфузилась, к горлу подступила тошнота. Майор провёл Поппи в комнату. Другой военный прошёл в кухню и выключил телевизор. Коломбо, хлопая полами дождевика, зажав в зубах сигару, подбирался к середине пышной заключительной речи. Присев на край дивана, Поппи обвела комнату взглядом – на стенах явно недоставало фотографий, засохший цветок оплела решётка паутины. На невидимой ниточке повис паук. Маленький парашютист выбрал местом назначения крашеную полку соснового дерева. Поппи закрыла глаза и пожелала вернуться в прошлое – вся трудность заключалась в этом. Офицер сел на стул напротив, его спутник неподвижно застыл у двери. Чтобы не дать Поппи сбежать? Чтобы облегчить задачу майору? Поппи не знала. Она слышала только, как в ушах барабанным боем стучит кровь. Мокрые, холодные руки наконец задрожали. Поппи громко, глубоко вдохнула, как спортсмен перед состязаниями, согнула пальцы, и черты её лица исказились в немом крике – ну, скажите же мне!

– Вы одна дома, миссис Термит?

– Да. – Её голос был напряжённым, надломленным шёпотом, будто спросонья. Майор кивнул. Лицо у него было плоское, невзрачное, и самоуверенный вид только добавлял ему непривлекательности. Майор изо всех сил старался скрыть небольшой северо-восточный акцент, напирая на интонацию и гласные. Энтони Хелм был хорошим солдатом – его уважали те, кто ему подчинялся, и доверяли те, кому он докладывал о происшествиях. У него сложилась репутация человека прямолинейного; он всё делал строго по уставу, и делал хорошо. Эти качества помогали ему продвигаться вверх по службе, но, к сожалению, не всегда оказывались полезными в беззаботной мирной жизни. Такому человеку, как Энтони Хелм, нелегко было мириться с превратностями судьбы; малейшее отступление от правил порядка ставило его в тупик.

Нервно улыбнувшись сержанту, Поппи прикусила язык. Улыбка получилась натянутой и неискренней. Она чувствовала, как с губ готовы сорваться глупые слова: «Сержант – это выше, чем рядовой, но ниже полковника? Март меня учил, но я всё не могу запомнить порядок...» Она не знала, зачем говорить об этом – разрядить обстановку, заполнить пустоту? Или всё дело было в хороших манерах, в необходимости поддержать разговор? Майор не вызывал симпатии у Поппи. Умение разбираться в людях подсказало ей, что он лишь выполняет долг, а думает о чём-то своём. Мистер Гисби улыбнулся в ответ, словно читая её мысли. У него были честные глаза, с морщинками в уголках. Его присутствие успокаивало.

Хелм начал речь – именно так, как ожидала Поппи, той самой фразой, что страшила её днём и ночью с тех пор, как горячо любимый муж ступил на кровавую тропу войны. Эти слова тревожили, уже когда он принёс домой письмо с приказом отправляться на базу боевой подготовки в Бассингборн и к нему прилагался чек на сумму, которой Мартин был весьма доволен, Поппи же сочла взяткой, королевским шиллингом наших дней. Что Мартин говорил, размахивая перед ней клочком бумаги?

– Ты же понимаешь, что такое служба в армии, Поппи! Удивляться тут нечему. Конечно, надо было сначала сказать тебе, что я завербовался, но я как записался, сразу же и сообщил. И не говори, что тебя не обрадуют собственный дом с садом, добавочный оклад и возможность пожить за границей. Уж тогда-то ты не будешь плакать!

Поппи не могла поверить его словам; она была ошарашена его доводами, лишёнными оснований. Он-то знал, как глубоко ей наплевать на собственный

дом и всю прочую роскошь. Поппи была не такой, чтоб радоваться этому, и не понимала – чего ради он решил уйти, оставить её одну на долгие месяцы, если не на годы, и почему не обсудил с ней, не посоветовался? С самого детства Мартин всегда был рядом, самое большее – в часе езды от неё, и мысль о том, что теперь они окажутся так далеко друг от друга, повергала в ужас. Поппи не могла представить Мартина даже в другом городе – что уж говорить о другой стране? Поппи всегда советовалась с мужем даже по поводу ужина, а он принял такое решение в одиночку, тайком, вероломно. Словно сбросил её со счетов. Словно предал.

– Миссис Термит! – второй раз за сегодня голос офицера вернул её в настоящее. Поппи кивнула, давая понять, что вся внимание. Зубы стучали; она закусила нижнюю губу, пытаясь сохранить остатки хладнокровия.

– Боюсь, у меня плохие новости. – Он помолчал, сжал губы, вспоминая, как его учили сообщать информацию по кусочкам. Поппи хотелось сказать: «Ради всего святого, поторопитесь, все мы и так знаем, что вы скажете».

Он снова кашлянул.

– Как вы знаете, Мартин сейчас сражается в Афганистане.

С трудом сдерживая дрожь в ногах, Поппи кивнула в знак понимания.

– Мы здесь, чтобы сообщить новости о вашем муже, и это печальные новости... Мне очень прискорбно говорить вам это, но Мартин пропал без вести.

Лишь секунду спустя его слова дошли до нее; ещё секунда понадобилась, чтобы осознать их.

– Вы имеете в виду, мёртвый Мартин? – громко спросила Поппи. Её расширенные зрачки дали ему понять, что такая грубость была следствием нервного потрясения. Она не могла тратить драгоценные ресурсы на обмен любезностями.

– Нет, не мёртвый. Не на данном этапе. Он пропал без вести.

Его слова лишь ещё больше запутали Поппи. Что значит – не на данном этапе? Мёртвый, но без свидетельства от смерти? Мёртвый, но не найденный? Мёртвый, но не совсем? Впрочем, все эти определения значили только одно – Мартин был, очевидно, мёртв. Всё остальное – пустое красноречие.

– Так, значит, он не погиб?

– Нет. Не погиб, пропал без вести. – Майор взглянул на сержанта Гисби, словно спрашивая, не сможет ли он объяснить получше.

– То есть вы не нашли тело, не засвидетельствовали смерть или что?

Майор Энтони Хелм залился краской. Эта девушка прекрасно поняла ситуацию и теперь задавала ему вопрос, смущавший больше всего. Приглядишься Поппи поближе, она заметила бы, как едва заметно дёргается его правая щека; этот человек не знал, как реагировать на такие вопросы со стороны совсем молодой девчонки. Невзирая на долгие годы службы, такое общение было ему непривычно. В туманный вторник сидеть в муниципальной квартирке в Уолтемстоу, где трещат на гриле рыбные палочки, и рассказывать Поппи, что её муж, возможно, погиб, и пытаться ответить на вопросы, на которые не мог найти ответа – такое было чуждо Энтони. Поступая на военную службу, солдаты редко учитывали этот аспект – пасторские обязанности, психологическое давление, человеческое лицо министерства обороны. В этот мир нельзя было ворваться, выбив дверь ногой, нельзя было вползти по-пластунски, сжав в руке пистолет. Поппи заметила смущение майора и, пожалуй, могла бы его пожалеть, но уже решила винить его во всём – ведь нужно же было кого-то винить, верно? Его голос был монотонным, не потому что майор не чувствовал никакой жалости к ней, а просто потому, что так он функционировал – получив задание, выполнял его, держа эмоции под контролем.

– Нет, в этом случае дела обстоят по-другому. На данном этапе мы знаем только, что Мартин пропал без вести. Другими фактами мы не располагаем, но сообщим вам, как только поступит новая информация. На данный момент это всё, что нам известно.

– Большое спасибо, майор... – Поппи запнулась, потому что фамилия выскользнула у неё из памяти, – майор Каквастам, но что всё это значит?

Поппи не хотела быть грубой; ей всего лишь не терпелось понять, что происходит. Майор Хелм ловким, как у ящерицы, движением слизнул пот с верхней губы.

– Зовите меня Энтони. – Майор вскользь улыбнулся. Забыть его фамилию – это уже верх неприличия; не хватало ещё, чтоб его называли «майор Каквастам», тем более при сержанте. Двадцать четыре года и восемь сроков службы, медалей – не счесть, и вот теперь он вынужден откликаться на это имя, которое ему весьма не понравилось. Сержант Гисби шагнул вперёд и, сев на корточки, склонился перед Поппи; его массивные бёдра сдавили двойной шов форменных брюк.

– Это значит, миссис Термит...

– Никто не называет меня миссис Термит. Я – Поппи.

– Это значит, Поппи, что он патрулировал Гильменд и не вернулся к назначенному сроку. В патруль отправились двенадцать человек, из них на базу вернулись только десять. Вот и всё, что нам известно. Мы пытаемся выяснить информацию у тех, кто вернулся, и как только что-нибудь узнаем, сразу же вам сообщим. Сейчас нам ясно одно – в тот раз что-то явно пошло не так. Мартин и ещё один пехотинец пропали без вести.

– Так значит, он может быть мёртв?

Сержант Гисби не дрогнул. Он смотрел в глаза Поппи, давая понять, что он на её стороне.

– Да, Поппи, такое возможно.

Она кивнула, благодарная ему за искренность. С минуту оба молчали, собираясь с мыслями.

– Когда это произошло? – слова Поппи были обращены к сержанту. Она пыталась представить себе, что делала в то время, когда её муж попал в беду и, может быть, даже был убит.

– Вчера. Вчера днём.

Где она была вчера днём? В супермаркете. И совсем не думала о Мартине. Ей всегда казалось – если с ним что-то случится, она почувствует. Они были как те близнецы, о которых писали в «Нэшионал Географик» – если один ломает ногу, другой почувствует боль даже на расстоянии сотен миль. Поппи думала, так и случится, но так не случилось. Она ничего не почувствовала. Просматривая акции «три по цене двух», она выбирала между гавайской пиццей и пепперони, в то время как её мужа убивали, мучили.

– Что он делал в этом вашем... как вы сказали, Гильменде? Ведь вы обещали, что он будет в безопасности.

На этот раз заговорил майор:

– Вы должны очень гордиться мужем, Поппи. В качестве спецзадания ему было поручено возглавлять американский патруль.

Поппи смерила его долгим, пристальным взглядом. Все её мысли были только о той бедности, с которой им с самого детства приходилось мириться; Мартин и завербовался-то, чтобы только обеспечить им нормальную жизнь. Когда они были совсем маленькими, он заходил за Поппи после школы, и они вдвоём отправлялись в так называемую зону отдыха – этим звучным термином обозначались ветхие качели во дворе у парковки. Там они выдумывали разные игры – например, раскачиваясь, поднимать с земли ветки или подзадоривать друг друга выкрикивать разные глупости. Когда становилось темно, холодно и все остальные уже пили чай в тепле и безопасности, они чувствовали себя настоящими храбрецами, по очереди вопя «Бум!» всё громче и громче, пока кто-нибудь, высунувшись с балкона, не требовал заткнуться – это только ещё больше веселило их. Мама Поппи никогда не интересовалась, всё ли у дочки в порядке, тепло ли ей, где она и с кем. Даже когда они засиживались допоздна, мать всё равно за ней не приходила. Мама Мартина тоже его не искала, полагая, должно быть, что на улице, среди педофилов и наркоторговцев, он в большей безопасности, чем дома. Поппи и Мартин часто говорили об этом и приходили к выводу, что, если у них родится маленькая девочка или, если уж на то пошло, маленький мальчик, они никогда не разрешат им до поздней ночи бродить непонятно где. Лучше уж пусть сидят у них под боком, учатся подбирать с земли ветки и вопить «Бум!»

– Да, я очень, очень горжусь, что он помогал каким-то американцам делать бог знает что бог знает где. И какое спецзадание? Он пять минут как закончил учиться!

Майор Хелм улыбнулся, но глаз не поднял, так что Поппи не видела выражения его лица.

– Они выбирают самых лучших. Он был отличным солдатом, Поппи.

– Был? Так вы думаете, он погиб?

– Нет... я... он – хороший солдат. – Майор был весь красный. Поппи не стала дожидаться дальнейших избитых фраз.

– У меня больше нет вопросов. – Её голос прозвучал резче, чем ей хотелось бы. Словно она брала интервью и не знала, как закончить. Но это было вежливее, чем сказать: «Уходите. Пожалуйста, уходите». Ей хотелось остаться наедине с собой. Застывшая живая картина была разрушена, когда до обоняния Поппи донёлся едкий запах горелой пищи.

– Вот блин! – Поппи помчалась на кухню. Снимая с плиты сковороду-гриль, она опустила решётку с почерневшим содержимым в полную воды раковину, и внезапно её стошнило на пол; рвотные позывы мучили, пока желудок не опустел.

– Я могу позвонить кому-нибудь, Поппи? – раздался в дверном проёме голос сержанта Гисби. – Кто-то может приехать и побыть с вами?

Поппи покачала головой в ответ на оба вопроса. Она стояла очень прямо, пытаясь освободить от рвотных масс прилипшие к лицу пряди волос. Был только один человек, которого она сейчас хотела видеть, но он был далеко, пропавший без вести в пыльной пустыне на другой стороне земли – если вообще был жив.

– Я не знаю, что он делает, это так далеко... – сказала она, обращаясь к линолеуму в чёрно-белую клетку. Сержант принёс ей стакан холодной воды, помог дойти до дивана. Майор Энтони Хелм неловко сидел, пытаясь поудобнее сложить руки. Он был похож на нежеланного гостя, который слишком много

знает.

– Так что сейчас происходит? – продолжала Поппи.

– Мы будем сообщать вам информацию по мере поступления, находиться на связи и оповещать о малейших изменениях...

– Можно, это будет сержант Гисби? – перебила она, вновь оборвав его заученную речь.

– Конечно. Почему нет? – Сержант Гисби посмотрел на Поппи. У него были пушистые усы, которые непременно должны колотиться, особенно когда он произносит буквы «Р» и «В», так ей подумалось. – Зовите меня Роб. Я буду рад сообщать вам новости.

На этой фразе усы, должно быть, кольнули его дважды.

– Миссис Термит, мы здесь, чтобы помочь вам чем сможем. Я хотел бы только, чтобы наша встреча произошла при других обстоятельствах.

Поппи улыбнулась и подумала, что при других обстоятельствах они бы и за миллион лет не встретились. Их миры не пересеклись бы, не случись этой чудовищной, немыслимой ситуации, и, уж конечно, знай он хоть что-нибудь о ней, он не стал бы называть её миссис Термит.

– Спасибо. Пожалуйста, зовите меня Поппи. Миссис Термит – это мамаша Мартина, настоящая старая корова.

Он кивнул, не зная, что на это ответить. Обсудив, как они будут связываться с Поппи и обо всём ей сообщать, мужчины тихо и быстро покинули её дом. Роб Гисби был за рулём, майор на заднем сиденье предавался размышлениям. Роб понял, что и Хелму жалко Поппи ничуть не меньше, чем ему самому. Энтони был поглощён мыслями о новой знакомой; её непритязательность и принятие более чем скромных условий жизни были ему непонятны. По-видимому, всё дело было в нехватке ума. Слава богу, его было не так-то легко сбить с толку, иначе он до сих пор жил бы под одной крышей с мамочкой. Эта мысль заставила его содрогнуться. Он пробежал пальцами по блестящим пуговицам мундира,

ощутимого свидетельства офицерского чина – до сих пор этот факт удивлял и радовал Энтони. Вид у него был скрытный, словно его в любую минуту могут разоблачить. «Фараонов фаворит на сапфир сменил нефрит», – проговорил он себе под нос слова, помогавшие избавиться от акцента жителей Ньюкасла, оставить его в другой эпохе, где сам он был другим человеком.

Энтони Хелм был неправ. Амбиции у Поппи и вправду были скромные, до её горизонта можно было дотянуться рукой, её мир – обойти пешком: восемьсот метров от входной двери в любом направлении. Но она была умна. Не так, как умны члены Менсы, доктора наук и специалисты в области высшей математики, но достаточно умна, чтобы понимать, почему люди поступают именно так, а не иначе. Она ушла из школы в шестнадцать, прекрасно понимая, что дальнейшее образование бессмысленно для таких людей, как она. Вы спросите – если она такая умная, так почему же она не поступила в университет, не получила целую кучу дипломов, чтобы хорошо устроиться в жизни? Учителям, работодателям и специалистам по трудоустройству она всегда давала один ответ – в этом не было никакого смысла! Они, как по команде, вздыхали, стучали по планшетами резинками карандашей и смотрели на неё с досадой, давая понять – они-то лучше знают. Но она стояла на своём – откуда им было знать, что лучше для Поппи Дэй? А она – знала. Цель жизни Поппи – следить, чтобы никто не выпал из маленького и нелепого семейного гнезда. Поэтому она никогда не смогла бы понять иерархии в научном мире. Здесь всё было просто – если она поступит в университет, некому будет разбирать всевозможные сложные рецепты, выписанные Доротее. Некому будет следить, чтобы она не забыла принять ежедневные таблетки и не отправилась бродить по главной улице, натянув на голову трусы. Некому будет заполнять холодильник продуктами и оплачивать счета. И так далее; этот список продолжался бесконечно, обязанностям не было конца. Дома несколько раз на дню нуждались в Поппи. Конечно, на это обыкновенно выдвигался аргумент – если бы она отправилась учиться, скажем, на врача или юриста, то всю семью в скором времени ждало бы блестящее будущее. Может быть, это так и было, но всё-таки не давало ответа на вопрос – кто вместо неё будет стирать грязные бабушкины простыни, кто станет приводить в чувство маму и закрывать дверь на ночь, пока Поппи строит блестящее будущее? Она была умна – поэтому поняла, что такова её жизнь, и ничего тут не поделаешь. Характер у неё был жизнерадостный, и она не сильно расстраивалась, но порой задумывалась о том, как могла бы сложиться её жизнь, родись она при других обстоятельствах, будь у неё возможность получить высшее образование и стать тем, кем она хотела... Впрочем, она тосковала не больше других; попробуйте найти хотя бы одного человека, который не размышлял бы о том, как всё могло сложиться, будь у него

возможность выбора, другое окружение, другая работа, которая помогла бы, скажем, уберечь от опасности любимого человека... Прижав колени к подбородку, Поппи сидела на диване, совершенно онемев. Она ожидала истерики, по меньшей мере, вспышки гнева, и никак не могла предположить, что впадёт в оцепенение, целиком её поглотившее. Всё, что Поппи могла, – крутить обручальное кольцо большим пальцем той же руки и повторять его имя. Март... Март... Эта успокаивающая мантра должна была вызвать в памяти его образ. Комната вновь была пустой, словно военные и не приходили. Неужели так будет и с Мартином? Словно его никогда не было на земле? Квартира стала тихой – здесь больше не шумел телевизор, и двое мужчин не заполняли своим присутствием маленькое пространство. Четыре года назад это пространство было домом для их маленькой семьи – весьма необычной, но всё-таки семьи. Кто-то сам покидал её, кого-то забирала смерть – и в конце концов осталась одна Поппи. Мама, Шерил, никогда не была с ней жестока, намеренно пренебрежительна или демонстративно ехидна. Вместе с тем она не была ни ласковой к своей маленькой девочке, ни гордой за неё. Не радовалась, видя её, не интересовалась, как прошёл день. Не делилась событиями своей жизни, не секретничала, не удосуживалась убрать с дивана одежду, чтобы малышка могла сесть. Не причёсывала дочке растрёпанные волосы, не подстригала ногти, чтобы Поппи их не обгрызала. Голодной она была или сытой, лежала в постели или допоздна засиживалась возле мамы на канапе, была ли приготовлена на завтра чистая школьная форма – все эти вопросы Шерил не занимали, поэтому ими пришлось заниматься самой Поппи.

Её дедушка, Уолли, был профессиональный храпун. Его образ жизни приводил Поппи в недоумение, она никак не могла понять, зачем вообще нужен такой дедушка. Всю ночь он спал в кровати, весь день – в кресле. Его тощее тельце приобрело форму буквы «З» – великолепный образец ономотопии. Под его режим дня подстраивалась вся семья; он был вроде пчелиной матки, вокруг которой крутятся все остальные. Уолли правил королевством Дремоты. В этом тоскливом царстве было множество ограничений для подрастающей любознательной девочки. «Не шуми, Поппи Дэй, дедушка спит», «Выключи музыку, Поппи Дэй, дедушка спит», «Немедленно перестань стучать об пол своим несчастным йо-йо, дедушка...» – «Знаю, знаю, он спит!» Смерть Уолли стала незначительным событием в жизни Поппи; самым существенным изменением стало лишь опустевшее кресло, куда намертво врезался отпечаток его задницы. Нимало не скорбя об утрате, она отметила только, что ему, наверное, было очень приятно протянуть ноги – ведь впереди ожидал вечный сон. Да, изменилось ещё кое-что. Теперь, пытаясь её утихомирить, мама и бабушка говорили только: «Прекрати шуметь, Поппи Дэй!» или «Тихо, Поппи Дэй!» Про себя она каждый раз слышала:

«дедушка спит» и боролась с неистовым желанием закричать во весь голос: «Я знаю, что он спит, но мой несчастный йо-йо теперь его не разбудит!»

Бабушка, Доротея, всегда была малость ненормальной. Вместо телевизора она смотрела сушильный барабан, вместо фруктов клала в желе горох – ей казалось, так красивее, и под конец совсем спятила. Поппи жила с мамой и бабушкой, пока мама не улетела на Канары с очередным возлюбленным. Никто не обсуждал новые обязанности Поппи, потому что Шерил сама приняла решение, собрала сумки и в двадцать четыре часа умчалась из Хитроу. Исходя из этого стало очевидно, что теперь Поппи возьмёт на себя обязанности няньки, надзирателя и наперсницы для Доротеи. По правде сказать, жизнь Поппи даже стала легче без присутствия вечно пьяной Шерил и прожигателей жизни, которые тянулись за её нетвёрдым шагом. Доротея и Поппи прекрасно ладили, пока разум старушки не пошатнулся окончательно и в её поведении не появились из ряда вон выходящие странности. Однажды, вернувшись домой на ланч, Поппи обнаружила бабушку в туалете, натянувшей на себя всю свою одежду, включая пальто, шляпы, шарфы и перчатки; в руках она держала скалку, как оружие.

– Тот тип из квартиры сверху пролез в дырку в потолке и хочет перекрыть нам воду, сукин сын!

Поппи постаралась сделать вид, что поверила.

– Кто, бабушка, мистер Беннет? Восемидесяти четырёх лет, на ходунках, с двумя протезами в тазобедренном суставе?

– Да, он самый.

– Подожди, я правильно поняла? Он пробрался в дыру в потолке, бегал по квартире, пока мы спали, и пытался перекрыть нам воду? – Ей нужно было прояснить ситуацию.

– Да, Поппи Дэй. Ты что, не услышала меня с первого раза, детка?

– Услышала, бабушка, и всё поняла, кроме одного – почему ты сидишь в уборной, надев всю свою одежду?

Доротея посмотрела на Поппи и покачала головой так, словно это внучка сошла с ума.

– Я охраняю запорный кран. – Доротея подмигнула Поппи, и та улыбнулась в ответ. Состояние бабушки из немного нестабильного сделалось пугающим, и внучке становилось всё труднее заботиться о ней. Имея возможность держать выходки старушки под контролем, Поппи, пожалуй, находила бы их забавными; но после тяжёлого дня в три часа ночи лицезреть на кухне Доротею и скользкую кучу из целого пакета муки, банки кофе и трёх стаканов молока, потому что бабушка решила приготовить рождественский пирог, – это, согласитесь, утомляло. Тем более что дело было в июле – какое, к чёрту, Рождество.

Если бы Поппи могла со всем этим справиться, она, конечно, сделала бы всё возможное, но она не могла и поступила так, как было лучше для Доротеи. Ей нужны были забота и присмотр двадцать четыре часа в сутки. Однажды зимним вечером Поппи вернулась домой с работы и увидела, что бабушка сидит в темноте и плачет, вне себя от ужаса. Поппи не могла понять, десять минут Доротея пробыла в таком состоянии или десять часов; в этот момент Поппи всё осознала. Не то чтобы решение далось ей легче; это было самое трудное решение в её жизни. Несколько недель они с Мартином просматривали брошюры и таскались по указанным адресам, пока наконец не нашли подходящий дом. Одни не годились из-за цены, другие – из-за местоположения; был дом, куда они даже заходить не стали, услышав за дверью громкую ругань. Обдумав слова майора, Поппи решила, что надо бы заплакать. Она пыталась, но слёз не было, и она ни с того ни с сего захихикала; ей представилось, как кто-то наблюдает за ней и спрашивает: «Что ты делаешь, Поппи? Зачем ты сидишь тут, жмуря глаза и впившись ногтями в ладони?» – «Я пытаюсь вызвать слёзы. Мне кажется, так будет легче, потому что я чувствую себя виноватой в том, что никак не могу заплакать, а за мной следят два солдата и ждут, когда же я разревусь, но про себя надеются, что реветь не буду, особенно майор Как-его-там. Мне кажется, что вся эта история случилась не со мной, что я прочитала её в газете или увидела в новостях. Как будто это чья-то чужая жизнь, не моя. Да где уже эти проклятые слёзы – не дождёшься, когда нужны!»

Она была уверена – к кому бы ни был обращён этот монолог, услышавший его покачал бы головой, решив, что она потеряла связь с реальностью, совсем как её бабушка.

У Мартина Термита был важный день. Он был выбран в состав группы, на протяжении дня патрулирующей территорию на стороне американцев. Конечно, не обошлось без волнения, и было непросто привыкнуть к положению с винтовкой у ноги. План действий им объяснили весьма схематично – сказали, что нужно патрулировать, и всё. Выход был лишь один – довериться судьбе. Мартин привык к этой жизни, где не принимался отказ, где можно было только подчиняться и повиноваться; такова участь солдата. Мартин полагал, что он в хорошей физической форме; его ноющие суставы, очевидно, так не думали. Бронежилет и вооружение в тринадцать килограммов весом, которые он надевал каждое утро, не становились легче по мере продвижения вперёд. День только начинался, а жара уже стояла невыносимая, совсем не похожая на приятное тепло пропитанного солнцем летнего дня; гораздо больше она напоминала температуру духовки – будто лежишь на верхней полке, завернутый в фольгу. Мартин и его однополчанин, Аарон, должны были забраться в «джакал» – высокоподвижный внедорожник, не особенно удобный, но об удобстве здесь никто не думал – только о безопасности. Аарон стоял в стороне и забираться не торопился.

– После вас, низкозадый!

Мартин, ростом метр семьдесят три, был, по меньшей мере, на пятнадцать сантиметров ниже своего приятеля, что подавало неизменный повод для шуток как им обоим, так и всей группе.

– Может, я и низкозадый, зато моя башка не будет торчать отсюда на радость врагу. – Мартин указал на открытый верх машины. На двенадцать солдат было три внедорожника. Больше четырёх человек в кузове – и поездка стала бы весьма затруднительной, потому что обмундирование занимало место, достаточное для двух человек. Меньше четырёх – и в свободное пространство пробралось бы ощущение уязвимости, что, конечно, плохо сказалось бы на боевом духе. С базы «джакалы» добирались два часа. Ведущая машина ехала, по меньшей мере, на сотню метров впереди, и за ней, рвущейся в песчаную бездну, тянулся длинный след в пыли. Весёлое настроение, в котором солдаты пребывали первые полчаса, бесследно ушло. Как только лагерь скрылся из виду, всех охватило уныние. Шутки сникли, беззаботная болтовня сменилась молчанием. Солдаты были задумчивы, каждый следил за своим сектором –

оружие наготове, все чувства настороже. Мартин мгновенно поворачивал голову, едва заметив вспышку света или быстрое движение. Они были в опасности, но старались не думать о ней. Самодельное взрывное устройство, снайперский огонь... эти слова они произносили с пугающей лёгкостью, но здесь это были не простые фразы, а вполне возможные перспективы. Всего шесть месяцев длилась афганская война, а число убитых и раненых уже превышало все ожидания. Солдаты гибли так часто, что люди, измученные постоянными страданиями, были уже не в силах оплакивать новые имена в нескончаемом списке. Цифры были страшными уже сами по себе, а ведь за этими цифрами были лица, навсегда впечатанные в память близких, имена, выгравированные на камне, и обитые тканью гробы, которые торжественно несли по тихому городу Уилтшира.

Автомат SA80, тяжёлый и горячий, выскальзывал из потной ладони Мартина. Нервозность ощущалась физически – отчасти оттого, что союзниками были американцы, чьи подходы и методы существенно отличались от британских. Мартин был свидетелем того, какую роль играет изобилие ресурсов и вооружения в стратегии ведения боя. Их союзники могли делать всё, что полагали наиболее эффективным, поскольку щедрые правители не ограничивали их ни в чём. Такой подход придавал уверенность, которую можно было принять за наглость, чуть ли не безалаберность, но по факту именно такая твёрдость духа и воли позволяла хорошо справиться с задачей. Всеобщий страх был оправданным – колонна машин направлялась на опасную территорию, в бандитскую страну. Прежний опыт не прошёл бесследно – Мартин теперь чувствовал на себе напряжённый взгляд тысяч пар невидимых глаз; у обладателя каждой пары имелся и автомат Калашникова, дуло которого было направлено прямо на Мартина. За стеной лагеря было легко хвалиться своей храбростью; здесь, в горах, всё стало совсем по-другому. Мартину хотелось, чтобы операция закончилась как можно скорее, хотелось вернуться туда, где чай и душ. Ребята обсуждали, как устроят игру в футбол. Мартин, пытаясь отвлечься от мрачных мыслей, думал, будет ли он стоять в воротах и на этот раз. Пейзаж был невыразительный – глухие деревни в окружении гор да кое-где жалкие кустарники. Сторонний наблюдатель счёл бы эти поселения безлюдными и заброшенными. Мартин разглядывал полуразрушенные здания, каждое – в сияющем ореоле света. Его внимание привлекал трепет разноцветного шелка позади жёлто-белых кирпичей, проплывающие плетёные корзинки на головах, пушистые ноги собак, исчезавших за углом. Мартин думал о своём. Для него неизменными составляющими уюта были телевизор, одежда, центральное отопление, приличная еда, паб и поездки на день в Саутенд. Местные жители обходились одной кастрюлей, оборванными лохмотьями и крышей над головой,

дававшей хоть какое-то убежище. Не было водопровода, канализации, электричества; не было никаких удобств. Выжить в таком суровом климате Мартину, смотревшему на пустыню из тяжёлой бронированной клетки, представлялось невозможным.

Было бы трудно восстановить события следующего часа в определённом порядке. Каждый свидетель описал бы их со своей точки зрения. Ведущая американская машина включила тормоза и резко остановилась; тормозные диски протестующе пискнули, стукнувшись о колодки. Мартин тут же услышал крики, точнее сказать, выкрики на английском и какой-то разновидности арабского, может быть, пушту. Остановка была незапланированной и неожиданной, что могло означать как простое общение с местными жителями, так и большие проблемы. Пульс Мартина участился, и он услышал гулкий стук собственного сердца. Крики становились всё более шумными. Мартин и Аарон переглянулись и, не говоря ни слова, расстегнули ремни безопасности и выпрыгнули из внедорожника. Ведущую машину окружило, по меньшей мере, пятнадцать человек. Ещё столько же, рванув вперёд, столпились возле Мартина и остальных. Он не видел, откуда появились все эти люди. Переводя взгляд с одного на другого, он пытался понять, как они настроены – враждебно или спокойно? Свои это или чужие? Его учили, что за несколько секунд нужно понять, чего ожидать – рукопожатия или пули. Одежда собравшихся была вся в пятнах от грязи и пищи; изодранные рукава лоснились от долгой носки и редкой стирки. Все были одинаково одеты, одинаковые клочковатые бороды свисали из-под туго повязанных арафаток. Они были разного возраста и комплекции, но объединяло их одно – злые, налитые кровью глаза. Невозможно было понять, чего они хотят. Заметив среди них ребёнка – непонятно, мальчика или девочку, – Мартин замешкался, и его палец соскользнул со спускового крючка. Глаза заливал пот, который Мартин не мог стереть, потому что руки были заняты; это раздражало. Лица афганцев были закрыты. Они продвигались вперёд, одни протягивали руки, другие сжимали кулаки. Что они несли? Гранаты или подарки? Мартин пытался разгадать их намерения, а толпа тем временем приближалась к нему. Высокий, статный американец, волосы которого были низко подстрижены, а челюсть словно вырублена из камня, очевидно, жевал жвачку; выхватив пистолет из кобуры, он поднял его над головой. Мартин ожидал услышать предупреждающий выстрел. Вместо этого американец быстро опустил руку вниз и разбил нос человеку, стоявшему в пределах досягаемости.

– Пошли прочь! – пролаял он в толпу.

Мартин увидел, как тот человек, зашатавшись, упал в руки своих земляков. Кровь змеилась тонкой струйкой и стекала ему в рот из разбитого, расплющенного носа. Краем глаза Мартин поглядывал на несчастного – он был безоружен, и Мартин вспомнил – когда-то так поступили с маленькой девочкой по имени Поппи Дэй, которой хотелось спрятаться в своём ботинке.

– Эй, приятель! Полегче!

Сослуживец американца взглядом велел Мартину заткнуться – здесь не его патруль, и вообще он тут на птичьих правах. Потом придвинулся поближе и шепнул, кривя губы, глядя в толпу:

– Слушай сюда, салага. Когда увидишь, что видел он, и сделаешь, что сделал он, тогда и будешь делать замечания, а пока захлопнись!

Толпа держалась твёрдо – глаза расширены от адреналина, руки напряжены, челюсти стиснуты; они раскачивались на каблуках, готовые к действию. Людей, принявших такую позу, легко встретить в предрассветный час на любой стоянке такси любого английского города. То было затишье перед началом светопреставления. Из-под одежды показались автоматы, и толпа местных жителей стала отрядом солдат, жаждущих боя, – это желание горело в их бесстрашных глазах. Мартин учуял исходивший от них острый запах пота. Непредсказуемые, они были совсем близко.

– Вот дерьмо.

Это было последнее, что он услышал от Аарона. Сборище вокруг машин рвалось вперёд, крича всё громче, кто-то даже визжал, и среди шума и давки невозможно было разобрать происходящее. Внезапно послышалась пальба – стрельба повстанцев очередью, прицельные выстрелы союзников. Воздух наполнился оглушительным треском. Мартин не мог понять, кто стреляет. Хотелось бы сказать: каждый боец знал, что делает; это успокоило бы их родственников, свято верящих, что тренировка и способность сражаться пригодились солдатам в нужную минуту, помогли им спастись. Хотелось бы так сказать, но это было бы неправдой. Никакая тренировка, никакое учебное пособие не готовили Мартина к этому безумию. В фильмах каждый герой с заданной точностью оказывается на своём месте; в жизни всё вышло совсем по-другому. Пугаясь, Мартин чувствовал, как сжимается до размеров себя

шестилетнего; сейчас был как раз такой случай. Каска показалась ему слишком большой, ремень под подбородком болтался, форма висела. Множество ног и несколько машин поднимали повсюду клубы пыли. Солдаты потеряли ориентацию среди всей этой потасовки и не знали, куда им двигаться. У Мартина не было времени стрелять, он был не в силах ничего сообразить. Лица повстанцев были перекошены от ненависти, губы искривлены, зубы оскалены. Каждый мог бы играть в фильме главного злодея. Мартин посмотрел направо: в десяти метрах от него двое бородатых мужчин держали руки Аарона, безвольно повисшие за спиной. Один из державших был высокого роста, другой – маленького; Мартин без труда провёл параллель. Аарон был тих. «Сюда!» – закричал Мартин своему приятелю Джонси, стоявшему справа от него, метрах в шести. Голос дрожал. Мартин был отделён от толпы; чутьё подсказывало, что его схватят следующим. Спазмы сжимали кишечник; Мартин изо всех сил старался их контролировать. Снова раздались крики, на этот раз – испуганные, как на английском, так и на пушту. Некоторые старались перекричать остальных, по всей видимости, отдавая приказы. Но все слова тонули в шуме. Вновь послышалась стрельба. Невидимый кулак ударил Мартина в живот, и он задохнулся от боли. Мартин пытался задержать дыхание, пытался говорить; он хотел рассказать обладателю невидимого кулака о своей боли. Забыв о том, что он одет в солдатскую форму, Мартин верил – его бьют по ошибке. Почему кто-то хочет причинить ему боль? При чём тут вообще он? Мартин понимал бы, что значит его униформа, сохрани он хоть немного здравого смысла. Он упал на колени; глаза были мокрыми, в голове боролись ужас и боль. Понемногу начало возвращаться дыхание. Чьи-то руки рванули ремень под подбородком, каска упала на землю. Ему что-то положили на макушку, а кулаки связали за спиной пластиковой стяжкой. За секунду до того, как ему накинули на голову мешок и тоже затянули лентой из пластика, Мартин посмотрел вверх и увидел Аарона. Всё вокруг было как в тумане, и только фигура друга – чёткой и ясной. Мартин попытался позвать его, но слов не было. Аарон тоже стоял на коленях, и низкорослый держал его за руки. Мартин подумал о сыне Аарона, Джоэле, и его рисунке, который пришёл с письмом всего несколько часов назад. И пока он вспоминал о ребёнке, другой, высокий, тот, что держал Аарона за волосы, вынул нож и перерезал другу горло...

Рассудок Мартина отказывался верить в увиденное. Неужели только что убили его друга, убили просто так, без церемоний, не раздумывая? До слуха донеслись сердитые приказы на чужом языке. Мартина подхватили под руки и протащили куда-то на три метра, а потом, связанного, накрытого дерюгой, швырнули к машине. Он услышал, как охнула пружина – открылась задняя дверь. Судорожно, отчаянно глотая воздух, он боялся, что его засунут в багажник.

Будет ли там кислород? Сможет ли он выбраться? Автомобиль был старым; прежде чем Мартину на глаза набросили мешок, он успел многое разглядеть. Глаз механика-любителя заметил слой белой краски вокруг колёсных арок и двери. По меньшей мере, две пары рук, вцепившись в лодыжки и плечи, затолкали Мартина внутрь. Он дёргался, силясь освободиться, но что-то тяжёлое упёрлось ему в пах – должно быть, приклад пистолета. Мартин завопил, пытаясь позвать на помощь Джонси, но ткань, закрывшая голову, заглушала звуки. Подростком Мартину случалось ездить в машине отца своего приятеля, той же модели, что эта. В багажник, где сейчас лежал Мартин, вмещались три спортивные сумки. Даже скованный страхом, Мартин был возмущён таким обращением. Боль и гнев – всё смешалось в его душе. Только что он готов был заплакать – и вот уже от ярости колотил ногами в закрытое пространство. Он понял, что для своих похитителей он уже не человек. В багажник кладут не людей, а сумки с покупками после поездки в супермаркет, мусор, который везут на помойку, и спортивный инвентарь, когда мальчишки едут на игру. В темноте Мартин мало что видел. Воздух был спёртый. Жаркое дыхание сквозь маску из грубой ткани не приносило ни малейшего облегчения. Его скелет был не в силах больше ни защищать, ни поддерживать тело, и оно всецело зависело теперь от ударов тормоза; Мартин бился головой о металл, горячий, обжигающий обнажённую кожу. Мартин закрыл глаза, попеременно то ругаясь, то молясь Богу, в существовании которого всегда сомневался. «Помоги мне, Господи, помоги мне, не дай мне умереть. Да что за дерьмо творится? За что Ты со мной так?» И ещё одна фраза крутилась и крутилась в голове: «Это всё происходит на самом деле». Мысли об Аароне он гнал. Если станет оплакивать друга, не сможет составить план собственного спасения; нужно сосредоточиться и придумать, как остаться в живых. Он должен вернуться к Поппи. Любой ценой... На этой мысли Мартин потерял сознание. Безразличная к нему ржавая машина мчалась по пыльной дороге посреди такой же ржавой пустыни.

Придя в себя, Мартин обнаружил, что лежит на матрасе. Болели руки, скрученные за головой и привязанные к железному каркасу кровати. С него сняли бронежилет. При мысли о том, что теперь его взяли в плен и заперли здесь, а значит, он упустил возможность освободиться, Мартина бросило в холодный пот. Выбраться из этого заточения было куда труднее. Ломило мышцы рук и спины. С острым чувством стыда Мартин осознал, что обмочился. Несмотря на жару в комнате, его трясло. Он понял, что дрожит не от холода, а от страха, и не в силах справиться с этой дрожью. Больше всего сейчас нужна была вода. Слюна стала густой, разбухший язык, став больше обычного, царапал нёбо. Стенки горла болели так, словно их склеили. Видеть Мартин не мог – голова по-прежнему была накрыта тканью. Он определил, что это мешковина. Во рту был

вкус крови; Мартин не знал, куда и как его ранило. Широко раскрыв рот, он почувствовал непривычное натяжение кожи и острую боль свежей раны. Он вспомнил, как его лицо тёрлось о край багажника; резиновая прокладка давно уже отжила своё. Воображение нарисовало глубокий разрез ото рта до щеки. Пластиковый хомут, стягивавший руки, впился в кожу; мучительно хотелось растереть больные места. Вертя головой из стороны в сторону, Мартин на слух пытался определить, где находится. Комната была достаточных размеров, чтобы разместить, по меньшей мере, двуспальную кровать; было жарко, и ни один звук не нарушал тишины. Мартин знал наверняка лишь эти три факта.

Ошеломлённый, беспокойный, он довольно долго ни о чём не мог думать. Сознание прыгало с одного на другое. Он лежал тихо, но в мыслях поднялась паника. В голову лезли противоречащие друг другу мысли: «Кричать... дёргаться... вопить... рваться... брыкаться... лежать тихо... слушать... молиться...» Из всех сил стараясь не обращать на них внимания, Мартин попытался лечь поудобнее. В его состоянии всё было настолько плохо, что он не знал, с чего начать. Невзирая на тишину, он чувствовал, как его бомбардирует обрывками фраз, ни один из которых не получал дальнейшего развития: «Думай как солдат. Ты в плену! Что нужно делать? Кричать во всё горло! Прыгай на кровати, постарайся и встань. Лежи тихо – будешь в безопасности, будь невидим, не нарывайся. Помощь сама придёт, что-то будет, Мартин, что-то будет. Взывай к их разуму, кричи как можно громче, сделай хоть что-нибудь, что угодно!»

Мартин постарался вспомнить, чему его учили. Целый раздел был посвящён тому, что делать, если вас захватили в плен. «Правила поведения в плену»... сейчас всё это стало далёким и смутным воспоминанием. Всё, что он вспомнил – «думайте о близких и радости воссоединения с ними». Это помогало воспрянуть духом, вспомнить причины борьбы за свою жизнь. Под дерюгой его губы растянулись в улыбку. Этому уж точно не нужно было учиться; думать о Поппи было так же естественно, как дышать. Мартин прошептал, как тихую молитву: «Прости меня, Поппи, я не должен был тебя покидать. Прости...»

Мешок тянул его голову назад, держал крепко; нос был прижат кверху. Колючая ткань раздражала кожу. От мешка несло пылью и какой-то пищей. Можно было моргать, но едва ресницы касались дерюги, мелкие нитки лезли в глаза. Мартин не мог освободить руки, а значит, не мог ни почесаться, ни убрать грубую ткань с лица. Его дыхание под покрывалом было жарким. Крошечные капли слюны и пота собрались у рта. Он чувствовал, как ткань, касаясь мокрой челюсти, вызывает сыпь. Ему так хотелось глотнуть воздуха, не фильтрованного грязным мешком. словно жуки, вши или кто-нибудь ещё наподобие них ползли по его

волосам, лицу и телу. Скорее всего, это были всего лишь стекающие капли пота, но Мартин был уверен, что по его телу маршируют насекомые. Он не мог даже почесать лоб, и это доводило до тихой ярости. Каждый мускул напрягся в беспомощной злобе, и от бессилия на глазах показались слёзы – как ни странно, от этого стало легче. С Мартином Термитом случались вещи и похуже, но первые несколько часов пережить было труднее всего. Глубоко вдохнув, Мартин думал о том, как поудобнее повернуть лицо, когда услышал тихий кашель. Он понял, что не один, и содрогнулся. Дыхание запнулось в горле. Сузив глаза в щёлки, он старался разглядеть что-нибудь сквозь мешок, но видел только тёмные и светлые пятна. В комнате был незнакомец, может быть, даже несколько. Они хотели причинить ему боль, они уже причинили ему боль, и он видел их... Бедный Аарон!

И впервые за всё это время Мартин заговорил:

– Меня зовут Мартин Термит. Я – солдат британской армии королевского полка принцессы Уэльской!

Слова вырвались неожиданно. Звук был глухой, сухие губы плохо слушались. Мартин был уверен, что нужно попытаться с ними заговорить – вдруг всё это ошибка? Может быть, они сочли его влиятельным лицом? Просто перепутали с кем-то другим? Конечно, они знали, что он всего лишь выполнял свою работу... Ему подумалось – может быть, захватчики услышат, что он гражданин Великобритании, и отпустят его.

Глава 3

Поппи закрыла входную дверь. Алгоритм был простой – повернуть ключ, а потом толкнуть дверь не один, а два раза, дабы убедиться, что она точно закрылась. После этого Поппи мелкими шагами направилась к лифту.

Она решила пойти на работу – в таком состоянии лучше было погрузиться в атмосферу пустой болтовни, чем в тишине сидеть на диване и представлять различные ужасы. Никто не заметил, как она вошла в салон – день был обычным для всех, кроме самой Поппи, которая казалась себе бесплотной. Она облачилась в сине-белую полосатую жилетку – свою привычную униформу. Передний карман

жилетки был разделён швом на две части; ткань провисала под тяжестью папилюток, расчёсок и пачки сигарет «Поло» – для особых случаев. В первый же день Поппи выдали эту жилетку, которую она поначалу терпеть не могла; теперь, однако, униформа стала неотъемлемой частью рабочего процесса. Без раздражающих кожу нейлоновых швов и потрескивания наэлектризованного материала при соприкосновении с инструментами Поппи не чувствовала себя в своей роли.

Накручивая и скалывая шпильками волосы миссис Ньютон, Поппи прокручивала в голове всевозможные варианты. Первый – Мартин погиб, просто пока она не знает о его смерти. Такие мысли Поппи сразу же гнала прочь; её мозг отказывался верить даже в возможность этого. Второй – Мартин был ненадолго оторван от однополчан, а теперь вернулся на базу, может быть, со сломанной рукой или вывихнутым плечом. Этот вариант нравился Поппи больше всего. О Господи! Если такое случится, Мартин вернётся домой. Слава Богу! Он вернётся, вернётся её прекрасный муж! При этой мысли она улыбнулась.

– Всё хорошо, милая? – клиентка поняла, что мысли Поппи витают где-то далеко.

– Да, миссис Ньютон, – промычала она, зажав во рту четыре шпильки. Пожилая леди кивнула, поправляя пышный бюст. Ей не хотелось идти играть в бинго с кривой укладкой.

Третий вариант – Мартин в самом деле пропал без вести. Что это значит – пропал без вести? В проклятой пустыне, чёрт бы её побрал! Куда он мог запропасться? Поппи знала, как паршиво он ориентировался на местности – было дело, и не раз, а целых два, когда они отправлялись к востоку, а приезжали в Brent-Cross. Вечно кружил окольными путями, вместо того чтоб свериться с картой или позвонить приятелю-таксисту. А в песках кто угодно потеряется, не только Мартин. Если он вывалился из внедорожника, его приятели не могли не заметить и не вернуться за ним. Разве только... разве только... У Поппи затряслись колени, она похолодела, шпильки выпали изо рта. Третий вариант нарисовался ей во всей красе. Дыхание сбилось, и всё тело покрылось испариной. Что если Мартин не пропал без вести, а попал в плен? В голове вспыхнул образ Мартина в «летней униформе» – так её называла Поппи. В школе им разрешали в летний семестр вместо джемпера и юбки носить короткое льняное платье. Поппи обходилась без этой роскоши – летом мама советовала ей закатать рукава и ходить без носков... но всё-таки светлый камуфляж Мартина ассоциировался у неё с этим летним платьем. Поппи ясно видела его

в каске с дурацким ремнём на подбородке и чем-то таким, похожим на микрофон. Его лицо было более загорелым, чем обычно. Мартин кричал: «Сюда! Джонси! Я здесь!», изо всех сил стараясь быть услышанным. Его глаза расширились. Она видела даже белые круги вокруг его зрачков. Он казался испуганным. Был ли он испуган? Он тяжело выдохнул, словно переводя дух – глубоко, резко, гортанно, как спортсмен, получивший удар в живот; из него буквально выбили дыхание. Потом всё потемнело и стихло. Картинка исчезла, осталась только чернота. Поппи всё поняла. Она знала – Мартин в плену, она это видела, вне зависимости от того, хотелось ли ей это видеть. Видение продлилось не больше пяти секунд, но она не сомневалась – так всё и произошло. Она чувствовала.

Оцепеневшая Поппи вышла из салона, не зная, как теперь быть, кому и что сказать. Вряд ли даже «Нэшионал географик» примет её слова всерьёз. Как она объяснит своё видение? Над ней только посмеются. Белая полоса вдоль дороги отделяла машины от быстро мчавшихся велосипедистов в обтягивающих лосинах. Шагнув на проезжую часть, Поппи застыла. Не слыша криков недовольных водителей, требовавших убратся с дороги, она стояла у разметки, забыв обо всем: о клиенте, шампуне, незаконченной работе – и тут внезапно в приёмной зазвонил телефон. Поппи услышала звонок даже сквозь шум машин. Ответила Кристина – как обычно, делано радостным голосом. У неё была раздражающая манера в конце предложения поднимать интонацию на целую октаву вверх и сильно напирать на звук «С». Людям непосвящённым она казалась солнечным человеком, всегда счастливой и любезной особой, но этот образ не имел ничего общего с действительностью. На самом деле она была нудной и гнусной. Надо было видеть Кристину, когда она считала дневную выручку, зажав в зубах сигарету, грязный дым которой клубился к волосам, придавая им оттенок жёлтого. Её лицо кривилось, когда она говорила с сигаретой во рту, лишь слегка приоткрывая рот, чтобы выдавить слова; зубы у неё были кривые и коричневые от никотина. У Кристины не было детей, к великой радости Поппи, – мать из этой женщины вышла бы вроде той, что была у самой Поппи, а это уж о чём-нибудь да говорит. Кристина часто говорила ей: «Ты мне вместо дочки, раз у меня её нет», и Поппи думала – слава Богу, что нет. Разница между Кристиной и Шерил была только в одном – первая строила козни, вторая сеяла распри. Если выбирать из них двоих, вышла бы ничья. Обе получили бы ноль баллов. Как Люксембург и Латвия на Евровидении. Но у Поппи была причина работать здесь, поэтому она терпела. Салон располагался на первом этаже дома, где она жила, поэтому путь до работы был недолгий. Через две улицы теперь поселилась бабушка, а ещё через дорогу находилась автомастерская, в которой работал Мартин, пока не решил сменить профессию.

Весь её мир можно было обойти за пять минут – разве не чудо? Но, как говорится, лучшие планы людей и мышей часто идут вкривь и вкось. Кристина роняла пепел на журнал записей. Ей уже перевалило за шестьдесят, но она по-прежнему одевалась так, как если бы природа подарила ей вечно юное тело; она была из тех женщин, которые, пожалуй, могли бы показаться симпатичными, будь у них чуть больше доброты, чуть меньше макияжа, чуть больше стиля, чуть меньше жадности и намного больше овощей и фруктов в рационе – лучше органических. У неё было одно выражение лица для клиентов, другое – для персонала, и множество СОВЕРШЕННО других выражений лица и голоса, если она говорила с мужчиной – любым мужчиной. Будь ему шестнадцать или восемьдесят шесть, для Кристины он был жертвой. Поппи видела, как большие и сильные строители с Ист-Энда, приходя в парикмахерскую за жёнами, при виде Кристины ёжились от страха, как малыши. От неё пахло грязным телом; как бы она ни мылась и ни поливала себя духами, избавиться от этого аромата было невозможно. Так пахнет от людей в конце трудового дня, если они тяжело работали в тёплой одежде. Приторная туалетная вода, которой Кристина пыталась заглушить вонь, не помогала и лишь добавляла крепости в этот коктейль.

– Салон красоты «Ножницы», с вами говорит его владелица Кристина. Чем могу быть полезна?

Каждый раз, слыша эту фразу, Поппи ёжилась. Неизменно ёжилась, хотя должна была давно уже привыкнуть. Кристина отвечала на звонки до десяти раз в день. Работая в «Ножницах» шесть лет, в среднем триста тринадцать дней в году, Поппи могла отпраздновать юбилей в восемнадцать тысяч съёживаний.

– Поппиэтотебя! – взревела Кристина, и этот рёв перекрыл шум машин. Стало ясно – на другом конце провода не клиент. Поппи побрела обратно в салон. Нежный голос её начальницы слышала вся улица и, должно быть, добрая половина соседней. Женщина, которую обслуживала Поппи, углубилась в журнал, из её причёски торчали шпильки. Вряд ли она заметила отсутствие парикмахера; должно быть, задремала, ссутулившись. Или умерла. Кристина, сунув Поппи трубку, указала накрашенным ногтем на клиентку: «Поживее!» Поппи не обратила на начальницу внимания. Порой так было лучше для них обеих. Ещё не слыша голоса в трубке, Поппи уже знала – это сержант Гисби.

Повисла тишина. словно оба в молчаливом танце скользили вокруг главного вопроса, всячески стараясь его обойти.

– Как вы там, Поппи?

– Я...

Она не находила слов, чтобы ответить на простой вопрос сержанта. Как она здесь? Поппи читала со скоростью четырнадцатилетней, когда ей было всего шесть, и словарный запас у неё был потрясающий – так гласил отчёт об учебной успеваемости. Но сейчас у неё не было слов. Она не знала, как описать свои чувства.

– ...хорошо.

– Замечательно. Рад, что вы держитесь. Боюсь, пока никаких новостей, но я хотел бы зайти к вам после работы. Вам удобно?

Удобно? Не то чтобы у неё были другие планы, а если бы и были – разве могли они значить хотя бы половину того, о чём он мог ей рассказать? Скажем, о том, жив её муж или мё... мё... или нет.

– Отлично, Роб. Я буду дома после шести.

– Роб? – оживилась Кристина. – После шести? А что, интересно, сказал бы Март о джентльменах, навещающих тебя после шести, пока он бог знает где сражается за страну?

Всю эту речь она выпалила на одном дыхании. Она часто говорила, не переводя дух, словно время было ограничено счётчиком. Поппи посмотрела ей прямо в глаза.

– Что сказал бы Март? Хмм... думаю, он сказал бы – слава богу, что моя Поппи не такая, как Кристина, и не лезет в первые попавшиеся брюки, стоит мужу отвернуться.

– Ну, Поппи, детка, я же просто шучу! – Она постучала острыми когтями по тоненькой девичьей руке, по-девчачьи захихикав. Поппи с каменным лицом по-прежнему смотрела ей в глаза.

– Я тоже.

Кристина предпочла проглотить эту ложь. Обе были рады, что разговор закончился.

Это был очень долгий день. Поппи сидела на диване в темноте. Тихий сумрак позволял ей сосредоточиться на своих мыслях. Она вновь прокрутила в голове пятисекундное видение, постаралась посмотреть по сторонам, как можно больше услышать, как можно больше почувствовать. Больше ничего она не могла сделать, но ей хватало и этого. Не особенно нуждаясь в общении, она всё же порой испытывала потребность поговорить – на этот случай существовала Дженна. Девочки дружили с начальной школы, были похожи даже их лица и голоса. Подруга заменяла Поппи семью – да что уж там, Дженна и была для неё семьёй. Она всегда была рядом, когда дела у Поппи шли плохо, помогала ей, как могут помочь дети. Дженна была рядом и теперь, не потому что Поппи была настолько беспомощна, что нуждалась в постоянной заботе и внимании. Нет, Дженна Поппи не опекала, а лишь заботилась о ней, понимая, с чем подруге приходится сталкиваться день за днём. А Поппи, в свою очередь, хотелось пообщаться с кем-нибудь, у кого совсем другой жизненный опыт. Например, у кого есть мама – ха! Или папа – Поппи всегда мечтала поговорить со своим папой. Учитывая, что они никогда не виделись, он мог бы прочитать ей интересную речь при вступлении в должность отца. Биологическим отцом Поппи был так называемый Безнадёжный. Много лет она считала, что Безнадёжные – представители какой-нибудь дурацкой секты вроде Свидетелей-Как-Его-Там или Братии-Чёрт-Знает-Кого, которые вечно шатаются по главной улице, увешанные шарфами и детьми, слишком большими, чтобы возить их в колясках. Поппи было очень интересно, в чём же особенности его религии. Например, у евреев есть Шабат, а мормоны не празднуют Рождество, да мало ли кто что придумал. Поппи полагала, что религия отца запрещает любое общение с дочерьми, может быть, только внебрачными, может быть, дело в другом, но только вот она никогда его не видела, не получала от него никаких известий и за всю жизнь не удостоилась ни одной поздравительной открытки. Когда Поппи спрашивала о нём у матери, та говорила: «Твой отец? Ты его, хоть усрись, не узнаешь, да и я тоже». Очень мило. Поппи нравилось думать, что он – таинственная личность, сектант. Она даже выучила гимн «Вперёд, солдаты-христиане», чтобы, если когда-нибудь отправится к отцу жить, не показаться ему совсем необразованной. Перед сном она представляла себе, как это случится. Он, конечно, живёт в большом храме; она зайдёт туда, а отец спросит: «Ты ходишь в церковь, Поппи?», и она ответит: «Только в Рождество и на Праздник урожая, но зато я знаю отличный гимн», а потом воздаст эту мелодичную хвалу небесам, и готово! Вот она и полноправный

член секты шарфоносцев. Отец с гордостью обнимет Поппи и скажет: «Я люблю свою дочь, хоть она и незаконная и знает только один гимн»... как-то так. Одно из самых ранних воспоминаний Поппи – Джеки Синклер в порыве злости вопит на детской площадке: «...потому что у тебя нет папы!» Она плевалась ненавистью, и эти грязные слова заразили Поппи страшной болезнью. Джеки винила в этом Поппи, будто она сделала что-то нехорошее, куда-то подедала бесценного члена семьи. Тогда Поппи во весь голос закричала: «У меня есть папа, Джеки Синклер, просто мы не можем видеться! Ему не позволяет религия! Он – Бездёжный!»

Волна смеха пронеслась от извилистого лабиринта в форме змеи до туалета девочек из средней школы. Поппи бросило в жар и пот, сердце бешено заколотилось и затряслось в груди. Она не понимала, почему они смеются, и хотела только одного – чтобы замолчали наконец. Закручивая одну ногу вокруг другой, она мечтала спрятаться в свой изношенный ботинок, мечтала исчезнуть.

Мартин Термит не смеялся. Он отвёл Поппи в сторону, крепко обнял, а потом вынул из глубоких карманов две покрытых катышками ворса банки тягучей кока-колы. Мартин сказал Поппи – не стоит рассказывать людям, что твой отец Бездёжный. Она ответила, что так оно и есть, что у него такая вера. Мартин покачал головой и сказал, никакая это не вера, а просто её отец никчёмный неудачник, но расстраиваться из-за этого не надо, потому что его отец – такой же никчёмный неудачник. Мартин предложил держаться вместе. Она попробовала кислую колу на язык. Договорились.

Никогда в жизни Поппи не забыла бы, как стояла, положив голову в изгиб локтя Мартина; плотный, коренастый, он обещал со временем стать невысоким, крепко сложенным мужчиной. Лишь в этот период он был намного выше неё. Она недоверчиво понюхала его джемпер – он пах едой, школьным обедом, нестиранной шерстью. Мартин впервые заметил, как Поппи морщит прямой, веснушчатый нос, когда сосредоточена. Волосы цвета ирисок бессильно свисали по сторонам её бледного личика, но едва их коснулось солнце, они вспыхнули мириадами цветов, от красного до золотого. Мартин подумал, что она красивая. Пятнадцать лет спустя он по-прежнему так считал. Поппи изменила его мир. Мартин понял – она особенная. Он был маленьким мальчиком, но достаточно взрослым, чтобы увидеть в её лице то же выражение, что он видел по утрам в зеркале, когда чистил зубы. Как и он, Поппи была испугана, растеряна и постоянно смотрела по сторонам, ища, откуда ждать новый удар и новое разочарование. Мартин полюбил её сразу и безмерно, он решил, что хочет о ней

заботиться.

Он открыл ей глаза; она внезапно прозрела и повзрослела. Теперь стало ясно – отец не приходит к ней, потому что не хочет. От этой мысли ей стало очень грустно и одиноко, Поппи почувствовала себя брошенной, хотя ей было всего шесть и она никогда не видела папу. Она не могла описать, что чувствует, потому что не находила слов, и поняла это, только став старше и осознав, что от голода не всегда спасает еда, а от холода внутри никак не согреться. Пока Мартин не сказал горькую правду, Поппи ещё верила, что однажды встретит отца, и он заберёт её к себе, прочь от матери, её нескончаемых любовников и вечно спящего деда. На матери Поппи уже поставила крест, и несуществующий отец был единственной надеждой обрести настоящую, хорошую семью. Как в том сериале «Маленький домик в прериях», где мама пекла хлеб, вытирая о фартук руки, все в муке, и ходила на рынок с плетёной корзинкой, а папа в красной клетчатой рубашке рубил дрова, водил машину и играл на скрипке. Но мечтам не суждено было сбыться, и отец стал для Поппи настоящим Безднадёжным, потому что уже не было надежды увидеть его, надежды вырваться из этой дерьмовой жизни. А жизнь Поппи, вне всякого сомнения, была дерьмовой, пока Мартин не подарил ей свою дружбу и любовь.

Позвонили в дверь. Поппи включила лампу, прежде чем просунуть голову в проём между цепочкой и дверной рамой. Чёрт бы побрал эти цепочки, толку от них никакого – если дверь от злости пнуть как следует, та легко распахнётся, и они легко порвутся, как ленточки из разноцветной бумаги, которые делают в детском саду.

– Поппи, это я.

Поппи знала, что это он, но осторожность ещё никому не вредила. Кивнув, она сняла цепочку с якоря и широко распахнула дверь. Одетый в униформу, войдя, он снял берет.

– Как вы?

Опять этот идиотский ответ.

– Хорошо.

Почему Поппи так отвечала, она и сама не могла понять. Ведь эти слова были бесконечно далеки от правды. Но Поппи повторяла их всю жизнь, с самого детства. Как бы ей ни было холодно, голодно, одиноко и грустно, кто бы и где бы ни спросил: «Как ты, Поппи?», следовал один и тот же ответ: «Хорошо». А что ещё можно было сказать? «Спасибо за беспокойство, тётя в лифте. Честно говоря, я со вчерашнего дня ничего не ела, а на завтра у меня нет чистых трусов. Спать я боюсь, потому что мама вечно где-то шатается, а я должна быть начеку, если нас будут грабить, или дом загорится, или бабушка сделает какую-нибудь глупость, а то и умрёт». Проще уж ответить: хорошо. Роб прошёл за ней в комнату. Сидя на краю дивана, Поппи прижимала к груди подушку, как щитом закрывая себя от страшных новостей, защищаясь от ударов. Роб сел напротив.

– Вы кому-нибудь рассказали, Поппи? У вас ведь есть кто-нибудь, кто может поддержать? – Он искренне считал, что Поппи могут окружать заботливые родственнички. Она покачала головой в ответ на оба вопроса. Подумала о Дженне, но решила не упоминать о ней. Поппи знала – иногда случаются события настолько невероятные, что, даже если сам в них веришь, лучше молчать, пока не разберёшься, что к чему. Только тогда сможешь всё объяснить.

– Мы кое-что выяснили, Поппи.

Она кивнула. Поживее, поживее! Рассказывай уже, что ты там выяснил!

– Как мы уже говорили, в патруль отправилось двенадцать человек, а вернулось только десять. – Он помолчал. – Теперь мы можем отчитаться об одиннадцати.

Поппи сжала указательный палец зубами. Желанная боль немного приглушала ту, другую. Поппи выводила из себя манера Роба изъясняться завуалировано. Ей нужна была ясная, точная информация; но, как ни ужасно было это сознавать, он следовал протоколу.

– Это Март?

По выражению его лица Поппи поняла – случилось страшное.

– Нет, не Мартин.

Это ещё ничего не значило.

– Это Аарон Сазерби, однополчанин Мартина. Вынужден с прискорбием сказать, что он погиб. Мы уже сообщили ближайшим родственникам.

Поппи выдохнула, не сдувая щёк, не зная, как надолго задержала дыхание.

– Мы ждём, что завтра новости появятся в средствах массовой информации. Сейчас о них предпочитают умалчивать, но всё равно нужно сообщать. Вы должны знать столько же, сколько и мы, Поппи, чтобы потом не было неприятных сюрпризов.

– Его убили те же люди, что взяли в плен Марта?

Слова вырвались у неё сами собой. Роб раскрыл рот от изумления; она смотрела, как он пытается привести в порядок мысли.

– Как? Поппи, мы... – настал его черёд не находить слов.

– Я видела это, Роб. Понимаю, звучит безумно, но я его видела. Я знаю, он в плену.

Роб охнул. Нажимая большими пальцами на впадины глаз, он думал, что делать дальше. Поппи не могла быть в курсе того, как тщательно проинструктировали Роба. Он знал не только то, что Мартина взяли в плен, он знал, кто это сделал, и знал ответ на вопрос Поппи – да, те же люди, что убили его однополчанина. Перед Робом встала чудовищная дилемма: кто в организации поверит, что он не разглашал информацию, которую Поппи сообщать не следовало?

– Поппи, – она видела, что он на ходу соображает, какие слова говорить дальше, – есть причины, по которым я могу сообщить только эти данные. Я прошу вас доверять мне. Понимаю, в такое тяжёлое время это непросто, но вы можете мне доверять. Я обещаю сообщать вам всё, что разрешено, при первой же возможности.

Они немного помолчали, как шахматисты, которые обдумывают следующие ходы.

– А вы женаты, Роб? – Она видела, он думает о семье.

Они с женой хотели детей, но Бог не дал. Жена была его семьёй, его жизнью.

– Да, я женат. На Мойре. – Он улыбнулся, произнося её имя. Поппи поняла, упоминание о жене принесло ему облегчение, радость. Поппи знала, как это бывает. Ее свадьба была совсем не примечательной, скромнее скромной, но дело было не в пышности, а в том, что Поппи и Мартин дали друг другу твёрдые обязательства. С этого дня она чувствовала себя по-другому. Ей нравилось быть замужней, осознание этого волновало и в то же время успокаивало. Будучи уже три года в браке, она всё ещё иногда украдкой посматривала на маленькое золотое колечко на безымянном пальце, а внутри поднималось радостное чувство – ведь она была чьей-то женой, и кто-то был её мужем. Она чувствовала себя особенной – на ней захотели жениться! На ней, на Поппи Дэй!

– Понимаете, что я сейчас чувствую, Роб? Представьте, если бы что-нибудь случилось с Мойрой, что-нибудь ужасное, и люди знали бы об этом. Знали, где она, жива или погибла, и что с ней может произойти. Единственный человек, который не знал бы ничего, – вы, её муж, человек, которого она любит. Человек, с которым она обменялась брачными клятвами...

Роб смотрел в сторону, представляя этот сценарий: его жена, его Мойра, – и скрытный майор, наподобие Энтони Хелма, который, действуя в соответствии с протоколом, скрывает от него эту информацию. Мысль об этом была невыносима для него, для кого угодно.

– Пожалуйста, Роб. Я ведь не глупая, и я хочу сказать, пусть вы совсем меня не знаете, но вы тоже можете мне доверять. Я никому не разболтаю, пока вы сами не разрешите об этом говорить. Обещаю.

Поппи видела, в эту минуту Роб ненавидел свою работу. Бедная женщина была вынуждена обходить препятствия, торговаться, в то время когда ей было плохо. Он посмотрел на неё, как на храбрую маленькую девочку – конечно, у неё было право знать всё о своём муже, о человеке, с которым она связала себя узами брака.

– Поппи, я понимаю, что вы далеко не глупы, но и вы должны понять, на карту поставлена не только моя карьера, но, возможно, и безопасность других людей,

может быть, безопасность Мартина. Вы понимаете, какими могут быть последствия?

Она кивнула, ей всё было ясно. Без сомнения, Роб располагал большей информацией. Это был не блеф – чутьё подсказывало Поппи, что Мартин жив и что он в опасности. Её Март, её любимый... держись, милый... Роб помотал головой, сам не веря, что вот-вот, не считаясь с вышестоящими руководителями, поступит вопреки всему, чему его учили. Он собирался выдать информацию Поппи Дэй, девочке, обладающей поразительной интуицией.

– Патруль, в котором находился Мартин, совершал вылазку в горы вместе с американцами. Те знали, что отправляются в горячую точку, в анклав, известный повстанческими действиями. Их как следует проинструктировали.

– Вы рассказываете об этом, как о захватывающем приключении, куда Март очень хотел отправиться, но я уверена, он до смерти перепугался.

Роб улыбнулся, вспоминая свою последнюю вылазку, он по опыту знал, как бывает страшно.

– Возможно, вы правы. Трудно описать, как себя чувствуешь во время боевых действий. Иногда впрямь до смерти страшно, но есть место и приключению, а без приключений это даже скучно, поэтому чуть ли не ждёшь их с нетерпением, чтобы они развеяли скуку. В конце концов, ты знаешь своё дело, ты незаметен...

– Жаль, об этом не знал сослуживец Марта. Тот, которого убили.

Роб кивнул. Поппи попала в точку.

– Так что же случилось во время этой вылазки – или как её там? – Поппи смущённо зарделась, ей неловко было произносить военные термины. Она чувствовала себя героиней паршивого американского фильма про войну или кем-то вроде тех типчиков, что обожают оружие и журналы об армии, а сами в пятьдесят лет живут с мамочкой. Поппи грызла ногти на руке, чувствуя, как сводит желудок.

– Машины шли одна за другой. Ведущую окружили местные жители, и солдаты вступили с ними в контакт...

– В контакт? – Поппи представила, как солдаты и местные жители жмут друг другу руки и обмениваются любезностями: «Добрый день!» – «Отличная погода».

– Под контактом я имею в виду перестрелку.

– Ой! – И дружелюбные люди, нарисованные её воображением, тут же покраснели от крови и стали растекаться, как на картинах Дали, пока не слились в одну кровавую лужу.

– Из других машин тоже вышли солдаты. Они пришли на помощь своим однополчанам, но местные внезапно напали из засады. Группу окружили, двоих взяли в плен – Мартина и Аарона. Сдаётся мне, целью было захватить заложников. У меня такое чувство, что одного бойца убили, чтобы показать – они настроены серьёзно. Это значит только одно, Поппи, Мартин жив и будет жить, пока они намерены использовать его как предмет торгов.

Поппи пыталась осмыслить услышанное. Заложник. Пленник. Невольник. Как она ни старалась свыкнуться с этими словами, они были чужими – особенно когда речь шла о её муже. Поппи вновь увидела, как Мартин кричит, а потом задыхается от боли. Чем его ударили? Сильно?

– Вы знаете, кто они? Группа, захватившая его в плен?

Поппи хотелось знать подробности, это помогло бы понять ситуацию. Она знала, что не уснёт, пока не узнает всё, что было известно военным.

– Она названа в честь Зелгаи Махмуда, который её основал. ОЗМ – Организация Зелгаи Махмуда. Мы знаем, что это хорошо организованная группа экстремистов, но почему они забрали Мартина и чего хотят от нас – нам неизвестно.

– Может быть, выкуп? Или, как вы сказали, использовать его как предмет торгов, например, выменять на кого-нибудь, кого наши солдаты забрали в плен?

Поппи пыталась представить все варианты, зная, что где-то здесь должен быть ответ, и уже обдумывала решение – ведь должен быть выход! Роб снова улыбнулся – ему нравилось, что она мыслит в верном направлении.

– Да, Поппи, возможно, дело в этом.

Обессиленная, она всё же старалась держаться молодцом – нужно было ещё многое выяснить.

– Роб, а вы знаете, где они его держат?

Он покачал головой.

– Нет. Похоже, в том же регионе, где захватили, потому что везти его в другое место было бы слишком рискованно.

– Это хорошо, правда? Мы ведь можем призвать на помощь военный спецназ, Росса Кемпа или ещё кого и спасти Мартина? – В её измученном мозгу реальность переплеталась с вымыслом. Поппи было стыдно ощущать себя молодой, наивной.

– Всё не так просто. Горы, где Мартина взяли в плен, – местность опасная, если даже не учитывать угрозу нападения членов ОЗМ.

– Не могу поверить, что люди поддерживают этих жестоких, беспощадных убийц...

– Нам трудно их понять, но люди, которые живут в этой местности, – нищие, у них ничего нет. ОЗМ помогает им выживать, а взамен требует преданности и поддержки. Даже если мы сумеем подойти достаточно близко, чтобы вызволить Мартина, велик риск, что в любой момент его перевезут в другое место или продадут раньше, чем мы до него доберёмся. Лучше, чтобы ничего этого не случилось.

– Почему лучше?

Роб не ответил. Поппи не стала допытываться – если он думает, что так лучше, значит, так оно и есть. Она ему доверяла.

– Я не знаю, что делать, Роб. Я словно в кошмарном сне и никак не могу проснуться.

– Я знаю, это легко говорить, Поппи, но всё же постарайтесь не волноваться.

Она улыбнулась. Вот именно – легко говорить.

– Поппи, я бы не советовал вам оставаться одной. Есть ли кто-то, кому вы можете позвонить? Я буду только рад побыть здесь с вами, пока они не приедут.

Он был настойчив. Настал её черёд качать головой.

– Звонить мне некому, но я собираюсь к бабушке, так что буду не одна.

Роб заметно оживился. Поппи не стала разбивать его иллюзии – пусть уж лучше думает, что она собирается сидеть у камина рядом с милой старушкой, угощаться фруктовым пирогом с тарелочки, под которую подложена кружевная салфеточка, и пить чай из очаровательной фарфоровой чашки в цветочек. Ему совсем не надо знать, что она в который раз за день будет менять бабушке трусы и чистить её вставные зубы, пока та ищет в сумке для вязания мятные леденцы и снимает с кофты невидимые пушинки. Дом престарелых назывался «Пулярка», Доротея выговаривала «Популярка», и очень скоро название превратилось в «Непопулярку», потому что ей там не нравилось, – во всяком случае, так она говорила. Им заправлял мистер Вирсвами, а также многочисленные члены его семьи – за последние несколько лет Поппи познакомилась, по меньшей мере, с двадцатью. Мистер Вирсвами называл старушку Дороти, что сводило её с ума, простите за невольный каламбур. Удивительно, что в её состоянии ускользающего чувства реальности и временных проблесков бабушку ещё беспокоили такие вещи. Но как бы она ни воспринимала происходящее, она всегда, всегда узнавала Поппи; она знала, что любит свою внучку и что любовь взаимна. Поппи была благодарна ей за это. При всём при том у Доротеи было ещё одно странное убеждение. Кому угодно оно показалась бы нелепым, даже смешным, но только не Поппи. Может быть, потому что она к нему привыкла, а может быть, потому что и без него хватало нелепостей. Как бы то ни было, бабушка Поппи, Доротея Дэй, была твёрдо

уверена, что приходится матерью Джоан Коллинз. Поппи не знала, откуда это в её голове, но только Доротея рассказывала всем, кто готов был слушать, как непросто было воспитывать такую своевольную дочь. С точки зрения Поппи, её мать и Джоан Коллинз объединяло лишь одно – обе изображали редкостных сук. Ещё Доротея ни минуты не сомневалась, что мистер Вирсвами и вся его свита намерены её отравить. Несмотря на это непоколебимое убеждение, бабушка сметала всю еду, что они ей приносили, крича при этом: «Ха! На этот раз ничего у вас не вышло!» Часто за этим следовало: «Мне дадут еще яблочного пирога?»

А ещё Доротея была влюблена. Объектом её страсти стал Натан, восемнадцатилетний младший медбрат, терпеливо исполнявший все её просьбы. Каждый день, несколько раз на дню, Доротея твердила ему: «Ты такой хороший мальчик, вот бы тебе хорошую девушку». На это он несколько раз на дню отвечал: «Зачем мне девушка, Доротея, у меня же есть ты». Но она снова забывала. Поппи каждый день навещала бабушку, и для обеих эти встречи были главным событием дня. Если Натан оказывался поблизости, Доротея знакомила его с внучкой: «Натан, это моя Поппи Дэй». Натан пожимал ей руку и говорил: «Рад знакомству, Поппи Дэй», хотя они встречались уже, наверное, миллион раз. Потом бабушка неизменно заявляла: «Поппи Дэй, я хочу кое-что завещать Натану. Поможешь составить завещание?» – «Конечно, бабуля. Что ты хочешь ему отписать?» На это она отвечала: «Думаю, миллион фунтов». – «Готово!» Натан улыбался и придумывал, что бы ему такого сделать с этим миллионом. И он, и Поппи понимали, как на самом деле обстоят дела. Всё богатство Доротеи заключалось в нескольких фунтах, от четырёх до шестидесяти пяти – в зависимости от того, сколько она могла найти в кошельке внучки – да парочке наивных безделушек, расставленных в комнате.

Роб ушёл, пообещав Поппи связаться с ней утром. По дороге к «Непопулярке» ей было тяжело обдумывать услышанное. Она не могла представить себе Мартина, не видела, где он, что с ним происходит. Поэтому думала о привычном – что может понадобится бабушке, нуждается ли холодильник в разморозке, о чём угодно, лишь бы занять мысли. Поппи позвонила в дверь, открыл Натан.

– Привет, красотка!

– И тебе привет. Как там наша Доротея?

– Ох, Поппи Дэй, и натворила же она сегодня дел! Разбросала завтрак по всей комнате, в одиннадцать в знак протеста отказалась мыться, а после обеда

пыталась укусить миссис Хардвик за руку.

Поппи нравился Натан; нравилась его манера рассказывать о самых ужасных вещах так, что получалось почти смешно. Почти.

– Надеюсь, с миссис Хардвик всё хорошо? – Поппи привыкла извиняться за выходки бабушки, которая вела себя как гангстер Реджи Крэй.

– Конечно. Правда, пришлось дать ей лишнее печенье, чтобы загладить этот пренеприятнейший инцидент.

– Спасибо, Натан.

– Всегда пожалуйста, Поппи Дэй. – Натан перенял у Доротеи привычку называть Поппи по имени и фамилии. – Что-то вид у тебя замученный, солнышко. Тяжёлый день на работе?

– Хмм... ну, можно и так сказать. – Она шла по длинному коридору в комнату бабушки. Поппи заглянула в зал, где стоял телевизор и всегда собиралась куча народа. Четырнадцать разномастных стульев, обитых всевозможным покрытием в разнообразный цветочек, были расставлены в форме буквы U. Их оставили в наследство здешние обитатели, уже ушедшие в лучший мир. Стены цвета горохового супа впитали в себя зловонное дыхание умирающих – запах распада. Линолеум был весь в пятнах и брызгах чая – мышцы не держали, руки тряслись; он был залит слезами, которые рекой лились над незабываемыми воспоминаниями. Комната и люди в ней – всё здесь слиплось в бесформенную массу, вот-вот готовую развалиться. Призраки мёртвых и запахи живых не уходили, даже когда зал пустел. У всех обитателей «Пулярки» была похожая биография – уроженцы Ист-Энда, они застали бомбёжку, достаточно долгую, чтобы до неузнаваемости изменить и ландшафт, и их жизни. Чужих друг другу, их связывало общее происхождение и в конце пути – общий почтовый индекс, последнее место, которое они могли назвать домом. Поппи смотрела, как Натан укрывает одеялом ноги древней старушки – её невесомое, птичье тельце он с лёгкостью мог поднять. Женщина протянула узловатые пальцы к ключам, висевшим у него на поясе.

– Ключи, – сказала она.

– Да, ключи от дома и работы, от машины – связка тюремщика! – Натан старался шуткой разрядить обстановку.

– А у меня нет больше ключей. – Старушка смотрела на него из-под длинной седой чёлки, завесы, за которой можно было спрятаться от мира. Натан молчал, не зная, что сказать. Старушка была права. Нет ключей – значит, нет дома, нет машины, нет ничего своего, и свободы нет тоже. Как у Марта.

Доротея, как обычно, сидела в своей комнате перед телевизором; звук и отопление были включены, пожалуй, чуть сильнее, чем нужно для уютного времяпровождения. Она обожала кулинарные передачи – любые рецепты, в любом формате, в любое время дня и ночи. И это при том, что у себя на кухне она не готовила ничего сложнее жареного мяса по воскресеньям, а в будние дни и вовсе ограничивалась бутербродами с ветчиной, благодаря которым несчастный храпун Уолли не умер от голода. Шеф-повар громовым голосом давал чёткие указания, как нафаршировать и зажарить бедро ягнёнка. Поппи наклонилась и поцеловала бабушку в макушку.

– А, это ты, Поппи Дэй!

– Привет, бабуля. Как прошёл день?

– Они хотят меня отравить! Сегодня дали картофельную запеканку, и пахла она очень странно.

– И ты не смогла поесть?

– Что ты, съела две порции. Не заслужили они такого удовольствия – смотреть, как я голодаю. Не боюсь я их яда! – Последние слова она, повернув голову, прокричала в коридор.

– Правильно, бабуля. А что ещё произошло сегодня, кроме грозящей смерти от отравления?

– Раз уж ты об этом заговорила... день был ужасный. Эта миссис Хардвик опять пакостит.

– Это я слышала.

– В новостях, что ли?

– Конечно! Заголовок был как раз такой: «Эта миссис Хардвик опять пакостит!»

– Что ж, я не удивлена. Настоящая корова! Кстати, Поппи, я хочу тебя кое с кем познакомить.

В комнату вошёл Натан.

– Натан, это Поппи Дэй, моя внучка. Поппи Дэй, это Натан.

Натан пожал Поппи руку.

– Рад знакомству, Поппи Дэй.

– Я хочу кое-что завещать Натану. Поможешь составить завещание?

Поппи и Натан декламировали свои реплики, пока Доротея не успокаивалась.

– А ты сегодня что делала, Поппи Дэй?

– У меня плохие новости, бабуль.

– О Господи! Что-то случилось с Уолли? – Доротея прерывисто дышала, вцепившись в свою кофту, вне себя от волнения. Положив руку на колено бабушки, Поппи вспоминала Уолли, умершего десять лет назад, и думала, что теперь может с ним случиться? Разве что вызвал у червей расстройство пищеварения.

– Не волнуйся, бабуля, у него всё хорошо.

Пальцы старой женщины разжались.

– Я тебе говорила про миссис Хардвик? Она опять пакостит!

– Нет, не говорила. Как ты сказала – миссис Хардвик?

– Да! Кто-то мне сказал, что про неё даже в новостях показывали.

– Не может быть! Мне кажется, тебя водят за нос!

– Нет, правда, показывали в новостях.

– Кто тебе это сказал?

– Миссис Хардвик сказала. Она говорит, что наша Джоан опять в беде.

Поппи погладила ладонь бабушки. Вот так и проходили вечера – в блужданиях по кругу, в попытках найти начало и конец вертящейся нити. Нельзя ни плакать, ни кричать. Каким бы ужасным это ни казалось, Доротея – её любимая бабушка, которой без внучки никак нельзя.

Для Поппи час тянулся бесконечно медленно, усталость пробралась в мышцы, дёргала за веки.

– Ладно, бабуля, пойду-ка я. Тебе что-нибудь нужно?

– А как же! Присматривай за этим мистером Как-его-там – он хочет меня отравить! Я скормила кусочек запеканки кошке, так она вытянулась и померла! Честное слово, Поппи Дэй!

– Хорошо, бабуля, я с ним разберусь. Обещаю. Я тебя люблю.

– И я тебя. Надеюсь, утром ещё буду жива, если только ночью меня не отравят.

– Думаю, всё будет хорошо, бабуль, просто ничего не ешь.

Поппи медленно побрела домой. Но как бы она ни устала и как бы ни манила мягкая кровать, возвращаться туда не хотелось. Повернув ключ в замке, она вошла в тёмную, тихую квартиру.

Теперь Поппи терпеть не могла ложиться спать. Они с Мартином, как большинство семейных пар, имели свои привычки. Болтая обо всякой чепухе, по очереди чистили зубы; с пижамами через плечо шли по узкому коридору; ставили у кровати стаканы воды, к которым не притрагивались до утра. Потом Поппи зарывалась в подушку, и, свернувшись калачиком, чтобы поскорее согреться, ждала мужа, в чьи обязанности входило гасить свет, закрывать дверь и выключать телевизор.

Как-то раз Мартин нацепил розовую ночную рубашку жены с нарисованным щенком на груди и в грациозном балетном движении вплыл в спальню. Глядя, как её лохматый супруг вздымает руки к потолку, Поппи не смогла удержаться от смеха. Оба хохотали, как дети...

Без привычной болтовни с Мартином приходилось ложиться спать в тишине. Поппи рано закрывала дверь и не меньше двух раз проверяла, точно ли закрыла. Спальня всегда сияла чистотой, и Поппи скучала по тем временам, когда на полу семь дней в неделю собиралось целое гнездо из грязного белья, джинсов, футболок и носков – на самом деле в доме была гармония, только когда в нём кипела жизнь.

Прежде чем заснуть, Поппи около получаса предавалась мыслям, что сейчас делает её любимый мужчина, где он спит, о чём думает. Прижав к груди подушку, представляла себя в его объятиях, защищавших от всех ужасов мира. Когда он был рядом, Поппи рассказывала ему, как прошёл день, как у неё дела, расспрашивала, как дела у него. Поддержка Мартина была так же приятна, как и разговоры с ним. «Спокойной ночи, солнышко, хороших снов», – шептала Поппи, как если бы он дремал у неё под боком. Это успокаивало. Порой Поппи обманывала себя, что вот он, рядом, и под его крылом она в безопасности. Но, просыпаясь среди ночи, тянулась к нему, чтобы коснуться пустоты и до утра мучиться печальными, несбыточными мечтами.

Она часто перечитывала письмо Мартина – незатейливые три листка, написанные в спешке, при свете фонаря. Оно стало талисманом, столь дорогим, что Поппи прижимала его к себе; водя пальцем по бледно-голубой почтовой бумаге, она выучила наизусть каждый изгиб каждой буквы.

Ей больше не нужно было открывать конверт и ощущать в руках невесомость бумаги; лишь закрыв глаза, Поппи видела каждый росчерк ручки, каждое пятнышко.

«Ну, Поппи, и удивишься ты, получив письмо от своего старика! Просто я скучаю по тебе, малышка, так сильно, что ты и представить не можешь.

Время здесь идёт то очень быстро, то очень медленно – зависит от того, насколько я занят. Когда дел по горло, всё хорошо, но когда я умираю от скуки и тоски по тебе, то это просто ужас какой-то.

Я хочу домой, Поппи. Хочу вернуться в нашу квартиру, хочу лечь с тобой в постель, прижаться крепко-крепко, ощутить твои объятия. Спать одному так плохо, и по ночам я ищу тебя.

Я хочу от тебя ребёнка, Поппи, нашу маленькую семью. Хочу видеть тебя с ним на руках.

Я знаю, мы с тобой одно целое, и только это прибавляет мне сил и не даёт двинуться рассудком.

Я думаю о тебе каждую минуту.

Я люблю тебя, Поппи, всегда любил и всегда буду любить. Я часто вспоминаю нашу свадьбу.

Когда я так скучаю по дому, что сил нет, я представляю себе, Поппи, как ты держишь меня за руку, и становится легче. Я слышу твой голос, он звучит так же ясно, как если бы мы с тобой сидели рядом на диванчике.

Мне пора, малышка. Никогда не забывай, как я тебя люблю и как по тебе скучаю.

Целую десять тысяч раз!

Март».

Поппи было трудно придумывать что-то новое, и в письмах она всё чаще и чаще повторялась, как бы ни старалась поинтереснее рассказать о своей скучной

ЖИЗНИ.

Все письма она подвергала беспощадной цензуре – нельзя было писать ни о чём, что усилило бы тоску Мартина по дому, ни о чём, что могло вызвать беспокойство или зависть. Не то чтобы Мартин был завистлив – с её стороны это было актом гуманизма, а не самосохранения.

Поппи ощущала чувство вины. Слабое, оно не заполняло собой сознание, а скорее напоминало отдалённый шум машин – чем внимательнее прислушиваешься, тем он сильнее. Она никогда не врала Мартину, но немножко приукрашивала действительность, чтобы ему было приятнее. Описывать, какой чудесный вечер они провели с девочками за просмотром футбольного матча и дешёвым вином, заказав еду на дом, не стоило – было нечестно без него заниматься тем, что он так любил. Вместо этого она придерживалась общих тем, например, писала о бабушке. Целые страницы занимали изумительные разговоры, имевшие место быть в «Непопулярке», и рассказы о наиболее бредовых идеях Доротеи. Она знала, что Мартин посмеётся над ними и вместе с тем не будет ощущать себя оторванным от жизни. Поппи, в свою очередь, могла поделиться мыслями и тревогами.

Не писала она и о случайной встрече с его родителями, которые не сочли нужным обратить на неё внимание. Поппи выбирала в супермаркете фрукты и овощи; подняв глаза от брокколи в термообёртке, она поймала на себе взгляд его мамы. По тому, как свекровь стала сосредоточенно смотреть в другую сторону, слишком старательно делая вид, что не заметила Поппи, та поняла – мать Мартина её заметила. Поппи смутилась. Зачем так себя вести? Думали, она станет что-нибудь просить у них? Не приведи господь.

Делиться этим с Мартином было не нужно – он только разозлится, а может быть, расстроится. Возможно, они не хотели узнавать никаких новостей о сыне – здоров ли он, жив ли? Вполне возможно. В любом случае ему будет неприятно читать о таком.

Поппи заглянула в приоткрытую дверь: на кухне в раковине все еще мокли сгоревшие, прилипшие к сковороде рыбные палочки. Прижавшись к стене спиной, соскользнула вниз. Усталые ноги уже не держали; рухнув на пол, она наконец разрыдалась. Обхватив тело руками, словно пыталась обнять саму себя, и не нужно было вспоминать отрепетированную реакцию – всё произошло по-настоящему. Огромные слёзы катились из глаз, заливали нос и рот. «Март... –

шептала она, вне себя от горя. – Март...» Вдруг он услышит её голос через море и пустыню? Сердце болело от тоски по мужу, любимому мужчине, лучшему другу. «Где ты?»

Глава 4

Привязанный к кровати, Мартин пытался определить, сколько часов прошло с тех пор, как утром он проснулся в лагере, счастливый и свободный. День, скорее всего, был тот же самый, но в темноте, не имея возможности узнать, сколько времени он провёл без сознания, Мартин мог только догадываться об этом.

Всем, кто пережил шок, важен не только сам несчастный случай, но и всё, что ему предшествовало. Они склонны постоянно анализировать ближайшие события в попытке найти связь между ними и понять, как самый обычный день может закончиться совершенно неожиданно.

В последнее утро в лагере Мартин проснулся рано и, насвистывая, отправился в душ. Вдоль задней стены модульного общежития тянулся ряд душевых кабин; слева от главной двери располагались раковины, а посреди комнаты – длинная деревянная скамья. Всё это напомнило Мартину раздевалку бассейна, куда он часто ходил в школьные годы; только тут висело гораздо меньше полотенец и никто не стал бы красть чистые трусы. Разложив на скамье бронежилет и шлем, он вошёл в кабинку, надеясь, что не будет перебоев с водой, и вспоминая дом, где были свои собственные пушистые полотенца и после душа можно было улечься на диван вместе с Поппи. Они бы пили чай и смотрели новости; она бы прижималась коленками к его бедру, а голову клала ему на плечо...

В отличие от некоторых, Мартин не слишком томился скукой в лагере. Он измерял время в обыденных занятиях; так он рассчитал, что, приняв душ сто восемьдесят шесть раз, отправится домой. Намереваясь бриться в восемьдесят четвёртый раз, он отметил, что всего через сто два раза уже будет укладывать рюкзак, собираясь в путь.

День, когда его взяли в плен, начался как обычно. Набросив на плечи полотенце, словно шарф, Мартин придерживал рукой подбородок под неестественным углом и бритвой выравнивал усы. Поппи любила смотреть, как Мартин бреется,

находя этот процесс интимным и сексуальным. Дома Март во время бритья разговаривал с её отражением в зеркале; одетое в пижаму, оно выглядело из-за его правого плеча. Стоя в душевой модульного общежития, он по-прежнему смотрел в правый угол зеркала, надеясь, что там мелькнёт её лицо. Каждое прикосновение лезвия бритвы к коже будто приближало его к Поппи.

Ночь прошла спокойно – всего один сигнал воздушной тревоги, да вслед за ним налёт. Это дало солдатам возможность насладиться непрерывным шестичасовым сном. Настроение у Мартина было хорошее.

Стоя бок о бок с Аароном, они болтали, не подозревая, как много будет значить для Мартина этот разговор. Обычно друзья обсуждали происходящее или всё, что находили забавным; это была весёлая, пустая болтовня, не требовавшая эмоций. До этого утра Аарон лишь пару раз упомянул о Джоэле, но сегодня ему очень хотелось говорить о сыне.

– Сегодня в письме пришёл его рисунок – не пойму, что на нём, но это гениально, чёрт возьми! Сохраню на случай, если вырастет знаменитым художником. Его работы ещё наделают шуму побольше «Подсолнухов»! Не могу поверить, что ему уже почти два. Я так по нему скучаю, Март...

Мартин кивнул, не найдя, что сказать в ответ. Он не знал, каково это – скучать по кому-то, кроме жены. Ему трудно было представить счастливые отношения между отцом и сыном, но любовь Аарона и Джоэля вызывала восхищение и что-то очень похожее на зависть.

Как и Поппи, Мартин всю жизнь провёл в районе E17. Двухуровневая квартира Термитов располагалась недалеко от квартиры Поппи, в доме, который был данью шестидесятым. Гостиная могла похвастаться пёстро раскрашенными коврами, плакатом с клоуном Пепито над электрическим камином да овальным буфетом со стеклянным верхом, который собирал пыль, упаковки от пиццы и старые выпуски «Желтых страниц». Мать – нервная, непрерывно кутившая буфетчица в школьной столовой; отец... отец – просто сукин сын. Мартин не мог и вообразить, чтобы такой человек хранил его рисунки. Отец был из тех людей, которые ничего в жизни не видели и ничего не добились, но постоянно унижают и критикуют остальных. Он-то лучше других знал всё обо всём! Чем не талант для такого болвана – сидя в гостиной, из засаленного кресла изрекать мудрые высказывания.

Большой, толстый, неопрятный, он носил на расстёгнутой рубашке остатки недавней пищи; его седая борода казалась тенью на лице и по своей равномерной выстриженности могла бы стать шедевром дизайнерского искусства. За ним тянулся стойкий запах жареной пищи и секса. С ранних лет чувствуя, что отец – злой человек, Мартин ещё не мог осознать, как сильно его боялся. Лишь с годами, оглядываясь на прошлое, он понял, что всё детство провёл, затаив дыхание. Он верил – если не дышать, можно стать лёгким, как пёрышко, незаметным. Мартин Термит хотел стать невидимкой.

В первые десять лет жизни или даже больше Мартин не мог бы сказать, какого цвета глаза у отца, потому что никогда не смотрел ему прямо в лицо, а отводил или опускал взгляд. Мартин рос тихим ребёнком; опыт научил его скрывать свои мысли. Пару раз он высказал своё мнение по какому-то вопросу и тут же был жестоко высмеян отцом, который издевался над его детскими суждениями, во весь голос гогоча и повторяя слова сына, по-женски повизгивая, что совсем не подходило его зычному голосу: «Как ты сказал, кретин малолетний? Как это понимать? Ну ты и ничтожество!» Он часто поднимал на сына руку, порой чтобы ударить, но иногда тут же её опускал. Мартин не знал, ждать удара или нет, и каждый раз вздрагивал и скулил. Это отец находил смешным, да не то что смешным – просто УМОРИТЕЛЬНЫМ!

Страх насилия стал таким ощутимым, что стоило отцу слишком резко взмахнуть рукой, и мальчик готов был выпрыгнуть из кожи. Побои приносили едва ли не облегчение, доказывая, что Мартин не сошёл с ума. Он думал: «Вот видишь, Март, ты имеешь право бояться, он тебя бьёт; тебе не почудилось, это и впрямь больно!»

Мать, зависимая от никотина, даже не пыталась противостоять мужу. Мартин её не винил; не будучи благодарным ей за такую жизнь, он понимал – у неё тоже каждый день своя борьба, своя война. По ночам он слышал, как она кричит с надрывом, от боли, не от удовольствия. Зарывшись лицом в подушку, он рыдал, желая, чтобы всё это поскорее прекратилось, чувствуя себя никчёмным, думая: «Посмотри на себя, Март, лежишь тут и ревёшь в подушку, и ничем не можешь помочь маме. Он прав, ты просто ничтожество».

В такой атмосфере постоянного напряжения, страха и сигаретного дыма проходило детство Мартина; он не видел ни выхода, ни света в конце тоннеля. Всем этим стала дружба с Поппи. Она слушала его и не смеялась. Мартин навсегда запомнил день, когда открыл ей дверь в школьную столовую, шагнув

чуть вперёд, чтобы раньше Поппи дотянуться до ручки. Он не мог объяснить, зачем это сделал, ему просто хотелось сделать хоть что-нибудь, чтобы Поппи стала чуточку счастливее, а её жизнь – чуточку легче. Прежде чем войти в дверь, Поппи посмотрела на Мартина, чуть наморщила нос и встряхнула головой, чтобы откинуть с глаз прядь волос.

– Рядом с тобой мне ничего не страшно.

Мартину показалось, будто его сейчас разорвёт от наплыва чувств. Словно Поппи подарила ему луну в коробке, такую прекрасную, редкую, невероятную вещь, что ею нельзя делиться с остальными. Домой из школы он не шёл, а летел. Он понял – если такой умной и красивой девочке, как Поппи Дэй, рядом с ним ничего не страшно, значит, не такое уж он и ничтожество. Ему тогда было двенадцать лет.

Он вошёл в квартиру; отец сидел на своём обычном месте, приросший к дивану и телевизору. Не отрываясь от экрана, он поприветствовал сына:

– Ах, она вернулась из школы. Как поиграли с девочками в нетбол?

Мартин встал между отцом и телевизором. Отец сжимал в руке пивную банку; алюминий трещал под его пальцами.

– А-ну-пошёл-отсюда-к-чёрту!

Мартин не дрогнул, не двинулся с места. Он смотрел отцу прямо в глаза – бледно-голубые. Пальцы отца собрались в кулаки, пульсирующие от напряжения, готовые начать атаку, но Мартин стоял спокойно, держа руки по швам – в эту минуту он был больше отца.

Мистер Термит молчал. Не последовало ни остроумных замечаний, ни оскорблений. Он посмотрел на сына и понял, что произошла перемена. Хватит. Больше Мартин не станет терпеть это дерьмо. Всё это случилось благодаря Поппи. Она дала ему понять – он сможет бросить вызов всему миру и победить.

Потом, когда они качались на качелях, держась за ржавые цепи, она сказала:

– Ты мой самый лучший друг в целом мире, Мартин. – Было темно, но Поппи знала – он улыбается. – Мне будет очень грустно, если ты уедешь и мы больше не сможем вместе играть.

– Такого не может быть, Поппи. Ну куда я уеду?

Она пожала плечами – место, куда он мог отправиться, было трудно даже представить.

– Обещаю, Поппи, я всегда буду твоим лучшим другом. Мы как будто связаны невидимой ниточкой, от твоего сердца до моего. Если я буду тебе нужен, ты только потяни за неё, и я приду.

Поппи рассмеялась, представив себе эту ниточку.

– А если ты за неё потянешь, я тоже приду к тебе, Мартин. Так я всегда буду знать, когда тебе понадобится.

Найдя в темноте руку Поппи, он спрятал в своей ладони маленькие пальчики...

Глядя на подбородок Аарона, покрытый мыльной пеной, Мартин думал – каково это, когда у тебя есть маленький сын, который рисует тебе картины? У них с Поппи всё было впереди, совсем рядом, оставалось только руку протянуть.

Завтрак, как и всё остальное в лагере, быстро стал для Мартина привычным. Звук собственных шагов по незнакомым тропам уже не пугал, и стало обычным, находясь среди пустыни, в тяжёлом защитном снаряжении идти по дощатому настилу за сухим пайком. Поначалу жизнь здесь казалась интересной – было что-то необычное в одинаковой одежде. Мартин казался себе участником единой команды – такое он раньше видел только в фильмах и журналах. Он чувствовал связь с остальными – дома его никто не понял бы. Закон, порядок и правила здесь касались всего, начиная от всеобщего похода в уборную и заканчивая всеобщей молитвой, и люди, с которыми его связывали такие отношения, стали ему товарищами.

Первые пару недель Мартин нервничал, ожидая чего-то, держа ухо настороже – вдруг завоет чёртова сирена. Возможность ракетного обстрела держала его в

постоянном напряжении, особенно ночью. Райские сны о Поппи разбивались вдребезги, когда в них врывалось предчувствие опасности. Падая, зарываясь лицом в землю, он, затаив дыхание, ждал, повезёт ему на этот раз или нет.

Он вообще жил в ожидании, подобно тому, как в детстве ждал Рождества. Тогда он не знал, сбудутся ли завтра все его мечты, или впереди такой же паршивый день, как все остальные. Рождество оказывалось таким же паршивым днём, как все остальные, но он всё равно на что-то надеялся. Всегда есть шанс, пусть даже самый ничтожный, получить много радости, если весь год вёл себя хорошо.

Мартин всегда был умным ребёнком и понимал – весь этот бред про Санту только гнусное враньё, но за час или два до сна предвкушение чуда становилось почти болезненным. Ему нравилось думать, будто в жизни есть место волшебству, хотя бы где-то. Подобно этому он чувствовал себя в первые недели своего приключения – ходили разные слухи, в том числе о возможной опасности.

Однако через две недели до него дошло, как всё обстоит на самом деле. Работа и жизнь здесь были монотонны и предсказуемы. Он не видел ничего интересного, захватывающего и весёлого в постоянных бомбёжках и вероятности получить ранение в любое время дня и ночи. Когда-то манящее приключение на поверку оказалось полным дерьмом. Он пребывал в замешательстве. С этой работы нельзя было уйти раньше чем через год, нельзя было отпроситься, снизить темпы, уволиться. К тому же Мартин верил, что, если сможет через это пройти, всё станет по-другому; представлял в розовом свете будущее – своё и Поппи. Повышение означало дом, сад, может быть, переезд в какое-нибудь классное место. Им воздастся за все праздники, которых они никогда не праздновали...

Судорога в мышцах руки вернула Мартина в настоящее. Он покрутился немного, стараясь поудобнее улечься на матрасе, и с иронией отметил, что тоскует по унылой, утомительной работе в лагере. В любом случае там было в миллион раз лучше, чем здесь; да везде было лучше, чем здесь, даже в аду.

Резким спазмом свело кишечник.

– Нет! – взвыл Мартин громче, чем ему хотелось бы. – Пожалуйста, мне нужно в туалет, отпустите меня, пожалуйста...

Эти мольбы дошли до безразличных ушей. Два молчаливых охранника, не видимых Мартином, встали по обе стороны двери, сжимая в руках оружие. Несколько часов назад эти люди выбросили у ворот базы обезглавленное тело. В рот отрубленной головы они всунули записку, где были указаны их условия: освободить четыреста пленников, преданных организации и находящихся в тюрьме за три континента отсюда, в обмен на солдата, которого они захватили в плен. На размышления правительству Великобритании давалось двадцать четыре часа. Охранники ставили ноги на закатанный в ковёр труп Аарона, лежавший на полу машины, и им дела не было до двадцатидесятилетнего отца маленького Джоэля. Целые колбасы пепла падали с их сигарет на его тело. Тем более им не было дела до того, что Мартину Термиту нужно в туалет.

Ему пришлось несколько часов пролежать в собственных экскрементах, прежде чем похитители наконец поняли – он не такой уж опасный противник. Невидимая рука разрезала пластиковый хомут, стягивавший шею Мартина, сняла с его головы мешок. Нож, освободивший Мартина, пощекотал ему подбородок, и Мартин ощутил сбегаящие по шее струйки крови, но не смог их стереть, потому что руки по-прежнему были связаны.

Он судорожно глотал кислород сквозь сухие рыдания и наконец-то без помех моргал и не вдыхал больше затхлую вонь мешка – своего спутника. Теперь он дышал воздухом, плотным от сугубо мужского запаха – сочетания пота, пряного дыхания и мускуса. Это была скверная, вонючая комнатка, но, в сравнении с необходимостью дышать сквозь грязный мешок, она была чудесна. Пару минут глаза привыкали к свету; снова получив возможность видеть, Мартин осматривал всё вокруг, пытаясь вникнуть в обстановку.

Комната площадью порядка четырёх с половиной метров. Белёные стены; нижняя половина выкрашена рыжевато-коричневым. Все в выбоинах, вмятинах. Куски штукатурки отвалились – вне всякого сомнения, стены были изрешечены пулями. На дальней кто-то наискось выцарапал фразу на арабском.

Мартин довольно долго изучал петельки и чёточки, стараясь расшифровать узор из точек и штрихов. Но, видимо, ему суждено было окончить свои дни, не успев перевести древнюю цитату и осознать её горькую иронию. «Секрет счастья – в свободе. Секрет свободы – в храбрости».

С потолка зловеще свисал длинный кусок электропровода, напоминавший о доброжелательных благодетелях, которые обещали провести электричество,

правда, обещания так и не сдержали. Маленькое, высоко расположенное окно было заколочено обломками деревянного ящика. Эти импровизированные планки криво прибили гвоздями к раме: так обычно персонажи мультфильмов наспех заколачивают дверь, спасаясь от заклятого врага, хотя он уже у них в комнате. Мартин рассматривал маленькое отверстие в сорок пять сантиметров. Сможет ли он туда пролезть? Как он доберётся до окна, как уберёт планки? Что по ту сторону?

Помимо кровати, в комнате находились два стула – вы найдёте целую кучу таких в гипермаркете «Сделай сам» в разгар сезона барбекю. Они стояли по обе стороны двери, опустевшие – те, кто их занимал, теперь стояли напротив Мартина. Когда его глаза перестали слезиться, он смог наконец рассмотреть мужчин. Одинаково одетые, они, на первый взгляд, показались ему двойниками, но вскоре оказались довольно непохожими.

– Спасибо. – Впервые за несколько часов он мог без помех говорить, и собственный голос показался Мартину непривычным.

Радость освобождения тут же сменилась пугающими вопросами. Зачем они сняли мешок? Что дальше? Причинят ли ему боль? Что ему делать? Говорить с ними? Знает ли Поппи, что он пропал без вести? Кожа на лице была содрана, из глаз текло.

Охранники и пленник разглядывали друг друга с равным интересом. Оба похитителя были бородаты, оба – в традиционных афганских головных уборах. Один – заметно старше, беззубый; видно было, что судьба не раз немилосердно обошлась с ним. Шрамы и въевшаяся в кожу грязь указывали на тяжёлые условия жизни. Второй – куда ухоженнее: волосы причёсаны, борода аккуратно подстрижена. Он дал Мартину воды и обращался с ним безразлично; и за то, и за другое Мартин был весьма признателен.

Охранник развязал ему руки. После мучительной боли, когда кровь вновь побежала по затёкшим конечностям, он ощутил непередаваемое блаженство от того, что можно запустить пальцы в волосы, почесать лицо, потереть глаза. Руки слушались плохо, ладони казались онемевшими кусками плоти.

Мартин тяжело перемещал тело, пока наконец не смог сесть, прижавшись к стене. Поправил форменные штаны, чтобы их содержимое не липло к коже. Ему

было неприятно, но чутьё подсказало пока не обращаться к этим людям с просьбами и быть благодарным за уже подаренную свободу.

Не обращая на него внимания, охранники снова заняли свои места на стульях у двери и продолжили разговор на гортанном арабском, не допуская чужих.

Мартин закрыл глаза, наслаждаясь переменой положения. Он никогда бы не подумал, что окажется в такой ситуации; вместе с тем он сознавал, что именно этого больше всего боялась Поппи. Долгое время, чуть ли не целый год перед отъездом Мартин убеждал её, что шансов попасть в плен практически нет. Теперь пришлось признать, что слишком наивным оказался он, а не она.

Служба оказалась совсем не такой, как он ожидал, записываясь в ряды вооружённых сил. До того, как подписать контракт, Мартин никогда не думал об армии, о том, каково это – быть солдатом. Он не встречал никого, кто служил, кроме стариков, защищавших родину; по правде говоря, их воспоминания казались ему несколько скучноватыми.

Была только одна причина, по которой Мартин решил служить, – ему казалось, что только так он сможет обеспечить им с Поппи лучшее будущее. Он терпеть не мог квартиру, где они жили, шум машин, наркоманов и исписанные стены в подъезде. Мартина выводила из себя мысль о работе Поппи, до которой она добиралась в вонючем лифте и где восемь часов в день мыла и накручивала на бигуди волосы старушек.

Мартин страдал от того, что не мог обеспечить Поппи жизнь, которой она была достойна. Она заслуживала большего, чем изо дня в день торчать в грязной парикмахерской, работая на полоумную старую шлюху. И он хотел дать ей намного больше.

Он видел рекламные объявления в газетах и по телевизору, даже читал какую-то литературу, но если бы его спросили, по какой причине он решил пойти в армию, он не нашёл бы ответа. Впрочем, он знал ответ, просто старался не думать о причинах.

Окончив школу, Мартин устроился на работу в местную автомастерскую. Он хотел стать механиком, а порой в фантазиях видел себя даже управляющим. Не мечтая о головокружительной карьере, он скорее предпочитал путь

наименьшего сопротивления, возможность хорошо устроиться, имея небогатый выбор. Пару лет спустя, по-прежнему подавая чай, бегая туда-сюда с заказами для владельца, отвечая на звонки и выгребая мусор после окончания рабочего дня, он внезапно осознал, что застрял на месте.

Мартин старался, изо всех сил старался, как тупой тяжеловоз, который надрывается, не задумываясь, что происходит вокруг. Он работал охотно, ожидая, что в недалёком будущем ему воздастся за все труды.

Начальник всё твердил, что где-то через полгода начнётся обучение; Мартин верил, как идиот. Он хотел верить, он должен был... Но однажды зимним утром всё изменилось.

Пришёл работать сын владельца автомастерской, парень шестнадцати лет. В первый же день ему выдали комбинезон и собственный набор инструментов в голубой железной коробке. Мартин мечтал об этой коробочке с отделениями и навесным замком. Ещё этому парню отвели свой собственный крючок, чтобы вешать одежду. Не за дверью кабинета, как Мартину, а в самой мастерской, как всем механикам и ремонтникам.

Мартин смотрел, как в конце трудового дня вся бригада дружески хлопает парня по спине. Смотрел, как он любуется солидом у себя под ногтями. А потом взглянул на свои мягкие, чистые руки, день за днём подшивавшие счета и снимавшие телефонную трубку, и всё понял. Он понял то, во что отказывался верить последние два года – его никогда не станут хлопать по спине, его обучение не начнётся никогда, и собственного крючка в автомастерской ему тоже не отведут. Мартина затошнило; он почувствовал себя очень, очень глупо.

В тот вечер он тихо, медленно брёл домой; рот наполнила горечь, она стекала в горло, просачивалась в вены. Униженный, разочарованный, Мартин плакал душой, и в голове звучали слова отца: «Ну ты и ничтожество!» Вот какой была вторая причина. Мартин пошел в армию, чтобы доказать отцу, гнусному, никуда не годному отцу, что может чего-то добиться, что из него выйдет человек. А третья причина была такой: Мартин хотел показать своей Поппи, что он – настоящий мужчина, что скоро он подарит ей дом в деревне, о котором она мечтала, и сможет зарабатывать достаточно, чтобы содержать их семью.

Он плёлся по главной улице, мало что замечая; его плечи и уголки рта были опущены. На глаза попался призывной пункт. Мартин тысячу раз проходил мимо, не обращая на него ни малейшего внимания, но в этот вечер здание словно пульсировало, светясь в темноте. На промокнувшей под дождём улице, среди серого бетона и мусора, оно манило рекламой, гласившей: «Стань лучшим». Словно эти слова были обращены только к Мартину. Ведь именно этого он и хотел – стать лучшим.

Он прижал нос к окну и долго, завороченно смотрел на фотографии людей, путешествовавших по солнечным экзотическим странам, и список под заголовком: «Выбери свою профессию». Его глаза жадно пили волшебные слова в алфавитном порядке, от «Автомеханика» до «Шеф-повара», а между ними – множество других. Мартин не верил своим глазам! Его мольбы были услышаны.

Домой он мчался, бежал всю дорогу, полный сил и радостного ожидания. Наконец ворвался в квартиру. Поппи стояла у плиты, спиной к мужу; её волосы были стянуты в конский хвост, из которого выбились острые завитки волос и теперь щекотали бледную кожу. Схватив жену за талию, Мартин закружил её по кухне и заглянул в глаза – такие ясные, что он видел в них своё отражение. Он готов был взорваться от наплыва чувств.

– Я тебя люблю, Поппи. Скоро мы с тобой заживём совсем по-другому! – Он поцеловал жену в губы.

– Рада слышать, Март. А теперь иди, мой руки, чай готов. – Она продолжала доставать столовые приборы из тёмных глубин раковины и вытирать их о кухонное полотенце. Несмотря на столь бурные проявления чувств, вообще-то несвойственные её мужу, Поппи сохраняла спокойствие и невозмутимость. Она никогда не радовалась прежде, чем выясняла всё до мельчайших подробностей, и лишь тогда решала, стоит ли радоваться. Ей было известно – если раньше времени начнёшь предаваться восторгам, то потом не избежать разочарований, без которых можно бы и обойтись. Пихнув её бедром, Мартин пошёл мыть руки, уже не сердясь на их чистоту и мягкость. Он был счастлив – теперь у него появились план и светлое будущее. Завтра же он сделает первый шаг ему навстречу.

Как только прозвенел будильник, Мартин выпрыгнул из постели, на этот раз не ворча и не мечтая поваляться ещё десять минуточек. Он хорошо выспался в предвкушении чудесного нового дня и был рад, что этот день наконец наступил.

Мартин стоял на пороге новых свершений; он знал – сегодня для него, для них начнётся новая, прекрасная эпоха.

В автомастерскую он решил не звонить и не сообщать о своём решении уволиться. Нельзя было назвать его ненадёжным человеком, но раз с ним так обошлись, пусть получают по заслугам. Это был жалкий бунт, даже ничтожный, но для начала и это было неплохо.

Надев костюм, Мартин вышел из дома, чувствуя, будто стал трёхметрового роста. Он важно шагал по главной улице, улыбаясь всем прохожим, попадавшимся ему на глаза. Он казался себе великим, всемогущим, наподобие тех наглых ребят, что в баре никогда не пропустят вперёд, что знают всех и каждого и напропалую сорят деньгами. Теперь он словно стал таким же, как они. Словно знал ответы на все вопросы.

Призывной пункт был открыт; он манил огнями, как путеводная звезда. Мартин уверенно вошёл в дверь, думая обо всех, кто записывался здесь в армию, и ощущая себя частью чего-то необыкновенного, очень важного.

За двумя столами сидели двое мужчин в униформах. Мартин подошёл к тому, что справа. Что случилось бы, выбери он другого? Вдруг его распределили бы в другой полк? Отправили бы в другую страну? Где бы он сейчас оказался? Играл бы в футбол за стенами лагеря? Вполне возможно, но что толку было теперь задавать все эти вопросы.

Казалось, сержант по вербовке только его и ждал. Три остро заточенных карандаша лежали поверх кипельно-белого блокнота по правую руку сержанта.

Улыбнувшись Мартину, сержант указал на стул возле стола.

– Садитесь, пожалуйста.

Ещё не спросив имени Мартина, не спросив, зачем он пришёл, сержант уже обращался с ним уважительно, и это было приятно. Очень приятно.

– Меня зовут Кит Эдвардс, я – сержант Королевского полка принцессы Уэльской, сокращённо КППУ. Могу я узнать ваше имя?

– Меня зовут Мартин Термит. – Мартин, как обычно, ожидал ухмылки, удивлённо поднятой брови или даже настоящего взрыва хохота, но ничего этого не последовало, словно фамилия Термит – самая обыкновенная и смеяться тут не над чем. Здесь решались серьёзные дела. Поскольку сержант никак не реагировал, Мартин совсем успокоился – никто над ним не издевается, всё идёт по плану.

– Чем я могу вам помочь, мистер Термит?

Чем он может помочь? Мартину захотелось перегнуться через стол, сжать сержанта в объятиях и закричать: «Вытащите меня из этого дерьма! Устройте куда-нибудь поприличнее! Сделайте меня самым лучшим, чтобы мы с Поппи могли гордиться своей жизнью, чтобы у меня был свой крючок в автомастерской и солидол под ногтями, дайте мне выучиться на механика, дайте мне доказать, что я не такое уж ничтожество!»

К счастью для обоих, ничего этого Мартин делать не стал. Вместо этого, переплетя пальцы, положил руки на колени – возможно, чтобы они перестали дрожать, но вместе с тем бессознательно пытаюсь придать значительности всему разговору. И раньше, чем начать колебаться, раздумывать или вообще уйти прочь, посмотрел сержанту Киту Эдвардсу прямо в глаза.

– Я подумываю стать солдатом. – Голос прозвучал увереннее, чем Мартин себя чувствовал.

Сержант не смеялся. Он тихо кивнул, словно услышал правильный ответ, тот, которого ждал. Ему попадались тысячи отчаявшихся ребят, не знавших, куда идти, какой путь выбрать. Ребят, которые хотели от жизни больше, чем она могла им дать; ребят, осознавших цену образования, лишь когда школьные ворота захлопнулись перед ними навсегда. Он искал в точности такого парня, как Мартин, которому нужна была возможность начать с нуля, которому стоило дать шанс. Всё произошло оперативно и без проблем, словно выдача нового паспорта или регистрация смерти.

Мартин не сказал Поппи, куда отправляется и что собирается сделать. Он хотел показать ей – он может проявить инициативу, сам найти выход из паршивой ситуации и повернуть её по-другому. Когда он вышел из дома в костюме, Поппи поняла – впереди у Мартина что-то важное, может быть, собеседование. Как

мудрый родитель, позволяющий ребёнку маленькие секреты, она не стала портить сюрприз, раньше времени раскрывать интригу.

Когда же Мартин вернулся домой и рассказал, куда ходил и что сделал, Поппи сначала не поверила. Снова и снова она повторяла, как сломанный робот: «Что? Что ты сделал? Зачем? Зачем, Март?» Улыбка на её лице сникла; Поппи обвила себя руками. Мартин подробно, искренне отвечал на её вопросы, но она продолжала повторять: «Что ты сделал?» и следом: «Зачем?», будто он говорил на чужом языке.

Мартин не смог скрыть разочарования и замешательства. Он-то ожидал, что Поппи обрадуется не меньше него и тоже увидит в случившемся ответ на их мольбы, а не начало кошмара.

Но с той самой минуты, как Мартин, взволнованный, сияющий, вошёл в дверь, в голове у Поппи крутилось лишь одно слово – разлука. Очевидная, немедленная. Они будут оторваны друг от друга, порознь, сами по себе.

Волна горечи накрыла Поппи с головой. Она не могла поверить – неужели он ничего не понимает? Почему до него не доходит, что всё это значит? Поппи закусил губу, чтобы не назвать его никчёмным болваном и тем самым не напомнить ему об отце. И потом, эти слова были несправедливы.

Мартин оцепенел. Неужели она совсем его не понимает, не возьмёт в толк, почему он это сделал, не видит, что это ради лучшей жизни? Он сжал её руки.

– Я хочу, чтобы ты мной гордилась...

Про себя он добавил: «Чтобы ты не предпочла мне кого получше, чтобы не оставила меня. Я хочу такую работу, которая позволила бы мне обеспечить нашу семью. Я не могу больше мести полы, Поппи, это меня убивает».

Эти слова, конечно, объяснили бы ей всё, но Мартину нелегко было их произнести. Они были не набором звуков, а признанием своих неудач, сказать их – значило расписаться в собственной неблагонадёжности.

– Но, Март, ведь я и так тобой горжусь!

Он знал – это правда; ему стало грустно. Он почувствовал себя виноватым.

Поппи покачала головой.

– Что теперь будет, Март, что ты с нами сделал?

Они стояли друг напротив друга, словно актёры в низкопробной драме, играющие незнакомцев. Это было неловко, нелепо; глупо было чувствовать себя так рядом с супругом, родственной душой. Чуть слышный голос шептал Мартину на ухо: «Да уж, молодец, Март, ну и бардак ты устроил. А ведь всё шло по-человечески».

Мартин мечтал купить дом с садом, освоить специальность, получать хорошую зарплату. Собираясь выучиться наиболее востребованной профессии, он раздумывал, стать ему сантехником или же механиком. Но ход его мыслей был неправильным. Скоропалительное решение оставило ему мало времени на размышления. Теперь он стал пехотинцем; зарплата была крошечной, даже меньше, чем он получал в автомастерской. Ему сказали, что обучать ремеслу начнут попозже, и он надеялся, что на этот раз не обманут. Но солдатам не предоставлялось ни домов, ни квартир, во всяком случае, в ближайших окрестностях, а переезд был немыслим для Поппи. В отличие от других боевых подруг, она не смогла бы жить в бараке, в районе, где проходит обучение её муж, тогда как сама она нужна в другом месте. Они застряли в своей муниципальной квартирке, пусть даже армия и выплачивала какую-то ренту.

Мартин привык, что с ним обращаются как с грязью, он вырос в таких условиях, но сейчас никак не ожидал такого отношения. Ведь он стал взрослым, женатым, защищал королеву и страну... Он отвек от всего этого дерьма, но быстро привык к нему снова.

Военная подготовка была скучной, однообразной и выматывающей, призванной подавить, если не сломать, волю, доказать Мартину, что самое главное – подчиняться приказам. Он быстро усвоил этот урок, выполнял всё как положено, в буквальном смысле научившись низко склонять голову. Истинную цену всех указаний он осознал только в бою. Кто последним подчинялся, последним реагировал на приказ, ставил под сомнение важность задания, тот подводил не только себя, но и всю команду.

Мартин не стремился показаться самым остроумным, самым скандально известным, не считал нужным переходить границы дозволенного, хотя бок о бок служил с людьми, предпочитавшими вести себя вышеупомянутым образом.

Его задача была другой. Он не искал друзей, поскольку не нуждался в них. Многим одиночкам и чужакам армия заменяла семью, но для него семьёй была Поппи. Единственное, что его интересовало, – где пригодятся полученные навыки, что они дадут. При этой мысли Мартин грустно улыбнулся. Вот что они ему дали, вот где он оказался. Это уж слишком для любой теории.

Назначили дату отправки Мартина в Афганистан. Пока он проходил военную подготовку, они с Поппи ещё воспринимали её как злокачественную опухоль, которую чувствуют, но не говорят о ней, втайне надеясь, что рассосётся. Но этот день наступил раньше, чем они ожидали; удар был таким сильным, что оба не могли дышать. В каждой фразе бурлил невысказанный гнев, и любое слово, любое действие давалось с трудом. В последние несколько недель между ними установилась неловкая формальность: оба так старались уйти от темы, что она стала чем-то вроде плотины, останавливающей свободный поток слов.

Мартин знал, Поппи старается держать себя в руках, чтобы и последний вечер вместе стал особенным. Она купила бутылку вина, вымыла голову, надушилась. Мартин был благодарен ей за мудрое решение сменить гнев и отчаяние на спокойное принятие действительности. Но ничего не вышло.

Их ссоры были такими редкими, что Мартин мог пересказать каждую, слово в слово. Несколько недель спустя, пожалуй, забыл бы, как всё началось, но вспомнил бы, чем закончилось и что они друг другу сказали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/prouz_amanda/den-krasnyh-makov

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)